

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Сапфировая
королева

Приключения баронессы Корф

Валерия Вербинина
Сапфировая королева
Серия «Амалия – секретный
агент императора», книга 12

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182942
Сапфировая королева: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35572-3

Аннотация

Южный город взбудоражен: к ним едет ревизор – очаровательная дама из Петербурга, баронесса Амалия Корф. Она якобы ищет похищенные драгоценности императорского дома, но многие считают это лишь предлогом: губернатор, который поссорился с министром и теперь уверен, что его хотят сместить, полицмейстер, смотревший сквозь пальцы на творящиеся в городе неблаговидные дела... Особенно волнуется местный король преступного мира Виссарион Хилькевич: он видит в приезде баронессы прямую угрозу своей власти и начинает собственную игру...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	58
Глава 6	77
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Валерия Вербинина

Сапфировая королева

Глава 1

Невероятное волнение в приморском городе. – Король дна и его подданные. – Подозрения. – Китаец говорит свое слово, причем не по-китайски.

– Господа, я пригласил вас, чтобы сообщить пренеприятное известие. К нам едет баронесса Корф!

Произнеся эти слова, Виссарион Хилькевич, в прошлом актер-любитель, выдержал значительную паузу. Он хотел дать присутствующим время осмыслить столь сногшибательное заявление, однако никто из собравшихся в просторной гостиной его особняка даже ухом не повел.

– Кто такая баронесса Корф? – прогудела Розалия Малевич.

Четверть века тому назад Розалия была стройной красавицей, которая с непостижимой легкостью разбивала мужские сердца и давила заостренным каблучком их осколки.

Однако с тех пор многое успело перемениться, начиная со стана Розалии и заканчивая ее профессией. Некогда грациозная красавица расплылась и потучнела, но не утратила деловой хватки, которая когда-то позволяла ей бросать любовника, лишь дочиста обобрав его. Ныне же Розалия заправляла сетью веселых домов, где почтенные отцы семейств вкушали отдохновение после трудов на благо государства и находили убежище от папильоток своих жен. Также ей принадлежали заведения попроще, куда заходили в основном матросы и пролетарии. Несмотря на то что в славном городе О. все были прекрасно осведомлены о характере ее деятельности, пани Малевич пользовалась среди обывателей уважением, которое не могли поколебать ни ее чрезмерно яркие платья, ни ее еще более яркое прошлое. Сейчас, заполнив собой все громадное кресло, Розалия с мученическим видом обмахивалась веером из разрисованных лебединых перьев, и лицо ее лоснилось от пота.

– Похоже, баронесса не лишена интереса, – заметил сутенер Жорж и улыбнулся.

В жизни Жорж носил заурядную фамилию Аронов, но о ней давно уже позабыли, потому что все жители города О. называли его просто по имени. У этого гладкого, сытого, пустоголового брюнета была одна страсть – он обожал говорить стихами и к месту, а еще чаще не к месту уснащал свою речь рифмами.

Хилькевич не любил Жоржа. Хозяин дома пригласил его

исключительно из симпатии к Розалии, души в нем не чаявшей. Жорж был ее помощником в нелегком деле управления борделями – настолько, насколько вообще можно было являться помощником мадам Малевич, которая все стремилась контролировать лично и никого не подпускала к своей власти. Хилькевич знал, что иногда Розалия покрикивает на Жоржа, а порой даже пускает в ход кулаки, если тому случается чем-то ее прогневить. Ее раздражало, что он неумен, и в то же время она была готова скорее мириться с его глупостью, чем с чужой сообразительностью. Услышав сейчас слова помощника, мадам насмешливо фыркнула.

– Знавал я когда-то одну баронессу, – объявил ростовщик Груздь. – Но ее точно звали не Корф. Да и никакая она была не баронесса, по правде говоря.

– А вы, граф? – отнесся Хилькевич к молодому блондину, который развалился на диване, поигрывая тросточкой.

– Признаться, мне неизвестно, о какой особе идет речь, – отозвался тот и с истинно аристократическим презрением поджал узкие губы.

Хилькевич повернулся к его соседу.

– Моя не знай никакой баронесс, – сообщил последний, при ближайшем рассмотрении оказавшийся чистокровным китайцем.

Китайца звали Вань Ли, и в О. он с большим успехом занимался торговлей опиумом. Что же до узкогубого графа, то в городе Антонин Лукашевский был известен как шулер,

шантажист и вообще темная личность, что, впрочем, не мешало ему посещать дворянские клубы и быть вхожим даже в дом полицмейстера. Стоит, однако, отметить, что у полицмейстера было восемь дочерей на выданье, а на безрыбье, как гласит народная мудрость, и сам станешь раком.

– Может быть, хватит разыгрывать тут сцену из «Ревизора»? – желчно заметил старый вор Пятируков. – Виссарион Сергеевич, что еще за баронесса и почему вы собрали нас здесь, чтобы сообщить нам о ее приезде?

– И, между прочим, оторвали от дел! – пропыхтела Розалия.

Хилькевич скользнул взглядом по ее лицу, по которому катились крупные капли пота, по многочисленным подбородкам, которые студенистыми зигзагами спускались даме на грудь, вспомнил, как невыразимо был когда-то в нее влюблен, – и тотчас же отогнал от себя это воспоминание. Потому что, в конце концов, собрал он здесь вышеназванных господ для чрезвычайно серьезного дела.

– Баронесса Корф – известная авантюристка, – объявил хозяин дома.

В водянистых глазах графа Антонина мелькнули искорки интереса. Морщинистое лицо Пятирукова выразило искреннее недоумение. Он знал Хилькевича очень давно и не мог понять, почему тот так беспокоится по поводу какой-то авантюристки, на которую любой из здесь собравшихся легко сумеет найти управу.

– И что же? – спросил Груздь с любопытством. Старый лис предчувствовал занятное продолжение, и интуиция, как всегда, его не обманула.

– Она авантюристка на службе у императора, – пояснил Хилькевич.

В гостиной повисло напряженное молчание.

– Позвольте, то есть как? – вскинулся Жорж. От удивления он даже забыл вставить в речь очередной стишок.

– Обыкновенно, милостивый государь, – отвечал Хилькевич. – Баронесса Корф весьма ловкая и опасная особа, как мне доложили. Завтра она приезжает в наш город с утренним поездом. Губернатор, полицмейстер и прочие высокопоставленные лица уже предупреждены и всюю готовятся к ее прибытию.

– А, так вот почему так спешно чинят мостовую возле памятника... – протянула Розалия. – А я-то все гадала, к чему бы это. Царь ведь должен приехать только через три недели! Ну, теперь все ясно!

– И еще цветы на клумбах меняют на свежие, а то старые совсем завяли, – подал голос самый юный участник собрания.

Хилькевич с неудовольствием оглянулся на него.

– Васька! – угрожающе прошипел Пятируков. – Я тебе!

Племянник Пятирукова, молодой, но уже многообещающий вор Вася по прозвищу Херувим, потупился. Он попал сюда только потому, что дядя пожелал познакомиться его с

могущественным Виссарионом Хилькевичем, господином и повелителем всех преступников в городе. Ни один карманник, ни одна проститутка, ни один попрошайка не задерживался в О., если ему не удавалось найти общий язык с этим приземистым, коренастым, благообразным господином с седыми бакенбардами.

Внешность у Хилькевича была самая что ни на есть располагающая, улыбка поражала своим добродушием, а интонации голоса завораживали прямо-таки генеральской величавостью. О нем и в самом деле говорили, что он когда-то воевал, но где именно и с кем, предпочитали умалчивать. В О. он жил уже много лет и как-то незаметно, неприметно подмял под себя все, что копошилось, прозябало, блистало, жирело и нищенствовало на городском дне. Ни одно крупное дело не свершалось без ведома Хилькевича, и когда случалось какое-нибудь громкое преступление и полиция заходила в тупик, ей приходилось обращаться к нему и униженно просить о содействии. Все знали, что его друзья не остаются внакладе, а о его врагах было доподлинно известно, что они долго не живут. В остальном же господин Хилькевич был весьма приятный человек, хлебосольный хозяин и безупречный гражданин.

Женой его была единственная дочь богатого купца, на которой он женился в сорок лет по любви – к ее деньгам, разумеется, но отчасти и к ней самой. Так как жена не задержалась в этом мире, Хилькевич остался вдовцом и жил в оди-

ночестве в своем большом красивом доме, который охраняли угрюмые слуги из числа преданных ему людей. То обстоятельство, что Виссарион Сергеевич, который мог позволить себе едва ли не любую женщину в О., решил хранить верность умершей супруге, немало озадачило городских сплетников. В их представлении глава преступного мира должен пить, как рыба, кутить и озорничать напропалую, однако Хилькевич был вовсе не таков.

Он был известен в О. своим воздержанным нравом и скромным образом жизни – притом, что все сии достохвальные качества вовсе не мешали ему жестоко разделяться с теми, кто имел несчастье посягать на его власть. Кроме того, он не терпел, когда обманывали совсем уж беззащитных людей, детей и стариков, и полицмейстер де Ланжере никогда не упускал случая рассказать в обществе историю о Хилькевиче и некоем жулике, выманившем у доверчивого ребенка рубль, который мать подарила ему на день рождения. Хилькевич знал эту семью – он всегда все знал! – был в курсе, что мать надрывается на трех работах, чтобы вывести единственного сына в люди, и ему не понравился поступок жулика, как не понравилось и то, что тот похвалялся, сколь легко обвел вокруг пальца наивного мальчонку. На следующее утро представительный полицейский принес матери рубль, объявив, что злодей был пойман и сознался в содеянном, а чуть позже жулика обнаружили в версте от города, избитого до полусмерти. Кто именно его так отделал, навсегда оста-

лось загадкой для правосудия, но только не для сплетников, восхищенных великодушием короля воров, а еще более тем, что оно не принесло ему равным счетом никакой выгоды.

Однако в большинстве случаев Хилькевич, когда ему приходилось действовать решительно, руководствовался куда более прозаическими мотивами. И тот же красавец де Ланжере, потомок французских эмигрантов, что при императоре Павле Петровиче обосновались в городе, мог поведать немало историй о ворах, которые покидали О. со сломанными пальцами и ненавистью в душе, об убийцах, которых находили в канавах с пробитыми головами, и о внезапных исчезновениях людей, которые по каким-либо причинам сделались неуютны улыбчивому Виссариону Сергеевичу. И де Ланжере отлично знал, что стояло за этими исчезновениями, и все в городе знали, но – ничего не могли поделать. Для проформы губернатор отряжал следователя Половникова к Хилькевичу, и тот принимал гостя на террасе дома, обращенной к морю, вздыхал, уверяя, что он тут ни при чем, и одновременно бросал крошки голубям. Из всех живых существ Хилькевичу больше всего нравились птицы – может быть, потому, что они были вольны летать и отрываться от постылой земли, а может быть, потому, что когда-то в далекой юности – настолько далекой, что даже де Ланжере не смог ничего о ней пронюхать, – король дна промышлял их продажей. И Половников, которому даже не предлагали сесть, кланялся, вздыхал, извинялся, что отнял время у столь по-

чтенного человека, и семенил обратно к себе – писать бумагу по поводу обнаружения очередного мертвого тела, принадлежащего неизвестному лицу.

За много лет, в продолжение которых Хилькевич не без успеха управлял своим двором чудес, его по-настоящему никто не осмелился побеспокоить. Столичные сыщики были далеко, у московских хватало своих дел, а с местными властями он ладил отлично. Однако теперь приезд неведомой баронессы Корф вселял в него смутную тревогу. Он успел уже кое-что разузнать о ней, и то, что разузнал, ему не слишком понравилось. Виссарион Сергеевич был готов смириться с тем, что она красавица, разведена и склонна к различного рода приключениям, но то, что баронесса умна, бесстрашна и никогда не отступалась от намеченной цели, устраивало его куда меньше. Хуже всего, впрочем, была причина, по которой она должна была вскоре оказаться в О. Причина эта представлялась многоопытному Хилькевичу не то что надуманной, а крайне неубедительной, и в глубине души он не сомневался, что на самом деле баронесса явилась за его головой.

– Столько шума из-за какой-то вертихвостки... – проворчал ростовщик Груздь.

– Много шума из ничего, но мы ведь не знаем всего, – вставил Жорж. – Не так ли?

Вася Херувим чихнул и сделал движение, чтобы вытереть нос, но натолкнулся на свирепый взгляд своего дяди, съе-

жился и обхватил себя руками.

– Виссарион! – плачущим голосом воззвала Розалия. – А правда, зачем она к нам едет?

– Из-за некоего Валеvского, – ответил Хилькевич.

Граф Антонин Лукашевский вскинул бровь и разом сделался как две капли воды похож на своего предка-короля, который интересовался звездами и поэзией, а в перерыве между означенными увлечениями отравил двух или трех жен, имевших несчастье не разделять его вкусов.

– Позвольте! Вы имеете в виду Леонарда Валеvского? То-го, который называет себя Леон Валеvский?

– У, этот молодчик мне известен, – беззлобно вставил Пятируков. – В своем деле он дока!

– Mais certainement,¹ вы же с ним коллеги, насколько я помню, – кисло заметил граф.

– Нет, – твердо ответил Пятируков, – наши ампула разные, Антонин Карлович. Он скорее по сейфам специалист, а я больше с людьми привык работать.

– По сейфам он специалист или по чему еще, – вмешался Груздь, – но, право же, просто смешно! Прежде всего потому, что Валеvский не наш, он в Варшаве промышляет, а у нас тут, между прочим, не Польша!²

И он победно поглядел на китайца, который, как всегда,

---

¹ Ну конечно (*франц.*).

² Польша в описанное время входила в состав Российской империи. (*Здесь и далее примечания автора.*)

улыбался, сохраняя совершенно невозмутимый вид.

– В Варшаве или не в Варшаве – дело десятое, – фыркнула Розалия. – Я не могу понять, зачем он вообще мог им понадобиться!

– Кажется, он опять сбежал из тюрьмы, – нерешительно заметил Жорж. – Я читал в газетах.

– Он уже раз пять сбежал из тюрем, – отмахнулась Розалия. – Нет, тут что-то не так!

Хилькевич кашлянул и сообщил:

– Он украл драгоценности Агаты Дрейпер.

– Что? – изумился граф.

– Знаменитую парюру,³ которую подарил ей великий князь Владимир, – пояснил хозяин дома. – В поезде на Варшавско-Венской дороге. Как это ему удалось, до сих пор не могут понять. Горничную на всякий случай арестовали, но она ни в чем не созналась. Говорят, что на одни бриллианты, из которых сделана парюра, можно купить половину нашего города, а ведь там не только бриллианты были.

– Агата Дрейпер – знаменитая танцовщица? – довольно сухо спросила Розалия, поводя необъятным бюстом. Как и все бывшие красавицы, она от души ненавидела красавиц настоящего.

– Да какая там танцовщица... – проворчал Груздь и вслед за тем весьма колоритно обозначил истинный род занятий мадемуазель Дрейпер.

---

³ Набор украшений, созданных в одном стиле (выражение XIX века).

Агафон Пятируков сосредоточенно размышлял, шевеля морщинами.

– То есть драгоценности пропали, свистнул их Валевский, а драгоценности – подарок великого князя, стоят черт знает сколько, и поэтому столичную даму прислали сюда искать Валевского, у которого они должны быть, – подытожил он. – Я правильно понял?

– Ну да, – кивнул Хилькевич. – Все верно, за исключением того, что Валевского в нашем городе нет и быть не может, и искать его тут совершенно бессмысленно. Так что зачем баронесса Корф на самом деле направляется сюда – большой-большой вопрос.

Вася Херувим затаил дыхание, потому что ему снова до ужаса хотелось чихнуть, но он понимал, что если сейчас, в это мгновение, нарушит торжественность момента неуместным чихом, то не видать ему теплого местечка в славном городе О. как своих ушей. Или, допустим, лопаток. Юноша надул щеки, покраснел, стал тереть нос и...

– Аааапчхи!

Сутенер подскочил на месте. Розалия недовольно всколыхнулась.

– Будьте здоровы, Вань Ли, – сказал Груздь с тонкой улыбкой немолодого человека, который сам давно нездоров и отлично знает цену истинному здоровью.

– Сипасиба, – отозвался китаец, который только что чихнул. Он поймал недовольный взгляд Хилькевича и заулыбался.

ся. – А почему вы говорили, что Валиевский не в голоде? Он ведь тут ест, да?

– То ест как? – пролепетала Розалия, покрываясь пятнами.

И тут Хилькевич допустил промах (положим, не непростительный промах, за который платишь жизнью, но промах, за который он еще долго будет себя корить после окончания беседы) – позволил себе показать, что не знает чего-то, что ведомо его подчиненным.

– Что? – прошептал он. – Но как... Вы о чем, Вань Ли?

Китаец, в свою очередь, так удивился, что даже улыбаться перестал.

– Вы не знаете? Виссалион! Ведь Валиевский здесь, да! Я его видела в гостинице «Европейский». Навелное, он там и плозывает, как вы думаете? И что тепеля вы намелена плед-плинять?

Глава 2

Наполеон и Рабинович. – Преимущества, которые дает человеку стискивание горла его ближнего. – Неудобства, которыми сопровождается недостаточное стискивание горла. – Угрозы.

Карета графа Лукашевского в облаке пыли лихо промчалась по улице Босолей и свернула на площадь. Возле памятника французскому герцогу, который был здесь первым губернатором и первым же открыл, что О. не деревня и не географическое недоразумение, а город, и посему был весьма почитаем в здешних краях, экипаж графа едва не задел рабочего, который доделывал мостовую, после чего кучер услышал в свой адрес несколько весьма интересных слов. Впрочем, кучер тоже знал разные слова, как интересные, так и очень интересные, и сумел ответить обидчику, не ударив в грязь лицом.

Возле гостиницы «Европейская» карета остановилась, и Антонин Лукашевский быстрее ветра взлетел по ступеням, постукивая по ним тросточкой.

Ровно через четыре с половиной минуты его можно было видеть в коридоре третьего этажа, где он небрежно улыбнул-

ся хорошенькой горничной, которая несла стопку простыней, и проследовал мимо. Но едва горничная скрылась из виду, как Антонин вернулся обратно. Подойдя к одной из дверей, он взял трость под мышку и достал из кармана предмет, до неприличия напоминающий обыкновенную отмычку.

Вероятно, король-звездочет с неудовольствием взирал с небес на то, как его потомок отворяет дверь чужого номера. Поскольку, что бы там ни говорили, одно дело – отравить жену или даже нескольких, и совсем другое – влезть с помощью отмычки туда, где вас никто не ждет. Первое, во всяком случае, позволяет спокойно овдоветь, не пятная свою честь неуместной возней с разводом, в то время как второе попадает банальной уголовщиной и вообще совершенно не к лицу настоящему дворянину.

Так или иначе, но вследствие манипуляций графа Лукашевского дверь отворилась, и Антонин, осторожно толкнув ее рукой, на цыпочках проник в номер. После чего затворил дверь, спрятал отмычку и огляделся.

Сначала он услышал жужжание мухи возле стекла, а затем уловил спокойное дыхание лежащего на кровати человека. Человек этот был молод, светловолос и, судя по всему, спал сном младенца.

Граф Лукашевский перевел взгляд чуть дальше и заметил на тонконогом рахитичном стуле большой коричневый чемодан. Возможно, Антонин питал слабость к большим чемоданам, к примеру, коллекционировал их. Так или иначе, при

виде чемодана его сердце сделало большой скачок.

В следующее мгновение сердце Лукашевского провалилось в пятки, да так там и осталось, потому что лежащий на кровати бесшумно повернулся и открыл глаза. Многие дамы, особенно в Польше, утверждали, что они небесно-голубые, дамы, настроенные более скептически, считали, что они всего лишь серые.

Открыв глаза (то ли серые, то ли голубые – оставим за нашими читательницами решение данного вопроса), лежащий извлек правую руку из-под одеяла. Хуже всего, впрочем, было то, что в руке этой обнаружился громадный сверкающий револьвер.

Из дула револьвера выглянула смерть и посмотрела графу прямо в глаза. И от ощущения, что она находится где-то совсем рядом, Лукашевский весь покрылся холодным потом и почувствовал, как у него ослабли колени.

– Здорово, Антонин, – спокойно промолвил Леон Валевский на чистейшем польском языке. – Зачем пожаловал?

Следует отдать графу должное: его можно было испугать, но если он и терял присутствие духа, то ненадолго. К тому же в глубине души он все-таки не боялся Валевского – как не боится всего лишь вора человек, знакомый с куда более серьезными делами. Антонин дернул головой, словно шею ему давил воротничок, и осклабился.

– Привет, Збышек, – небрежно уронил он. – Вот, зашел тебя проведать.

Его собеседник вздохнул и поправил:

– Леон.

– Ладно тебе, Збышек, – уже развязно проговорил граф, без приглашения сядясь на стул по соседству с тем, на котором стоял чемодан. – Всем же прекрасно известно, что никакой ты не Леонард Валевский, что ты сам придумал себе это имя. На самом деле ты Збигнев Худзик, и фамилию тебе дали в приюте, потому что родителей у тебя, найденыша, никогда не было. Нехорошо людей путать, Збышек! – Уголок рта графа насмешливо дернулся.

– Человек имеет право сам брать себе любое имя, какое ему нравится, – возразил Валевский. – А я тем более никому ничего не должен.

– И поэтому ты присвоил себе имя и фамилию сыновей Наполеона?⁴ – Граф еще более ехидно сощурился, поигрывая тросточкой.

– Наполеон – великий человек, – уронил Валевский в пространство. – И если уж выбирать себе кого-нибудь в родственники, то я бы точно предпочел его.

– Великий-то он великий, кто же спорит, – согласился Антонин, – только вот на родственника его ты, прости, не тянешь. Между вами нет ни малейшего сходства. Да и вообще, это просто смешно. Он же полководец был, выдающаяся

---

⁴ Александр Валевский – сын Наполеона и польской аристократки Марии Валевской, французский сенатор. Леоном звали другого сына Наполеона – от Элеоноры Денюэль де ла Плэнь.

личность, а ты – обыкновенный вор, и более ничего.

– Да ладно, кто бы говорил, – хмыкнул его собеседник. – Можно подумать, ты сам настоящий граф Лукашевский. Я ж знаю, что ты на самом деле Рабинович-Холодец, и вся твоя дворянская родословная не стоит и гроша.

Кровь бросилась в лицо графу, а та, что не бросилась, в то же самое мгновение вскипела в его жилах.

– Пся крев!⁵ Ах ты сволочь, лайдак,⁶ каналья! – взвизгнул он и, бросившись на Валеvского, перехватил его руку, державшую револьвер.

Наполеон и король-звездочет поудобнее устроились за облаками и стали с интересом смотреть, как выясняют отношения их самозванные родственники. Револьвер с сухим стуком улетел под комод, да так и не вылетел оттуда. Покатился, суча изогнутыми ножками, отброшенный кем-то из дерущихся, стул. Казалось, что перевес должен оказаться на стороне графа, потому что он был как минимум на полголовы выше своего противника и явно превосходил его в силе. Но Валеvский оказался расчетливее, изворотливее, и он, в конце концов схватив графа за горло, сумел существенно затруднить доступ кислорода в грудь врага. Антонин захрипел и попытался попасть противнику растопыренными пальцами в глаза, но Валеvский, отведя голову, лишь крепче стиснул свои пальцы и для верности стал еще коленом врагу на реб-

---

⁵ Польское ругательство.

⁶ Laidak – мерзавец (*польск.*).

ра. Побарахтавшись, граф стих и стал лиловеть лицом. Сжалившись, Валевский ослабил хватку.

– От...пусти! – простонал гость без родословной. – Ты...меня... задушишь!

– Зачем ты пришел, Антонин? – спросил Валевский.

Граф, лежа на грязном ковре, сказал «кхррр» и мученически закатил глаза.

– Ты ведь не просто так явился, – продолжал Валевский, на которого это зрелище не произвело ни малейшего впечатления. – Ну?

Его противник открыл глаза. Взгляд их поражал своей злобой.

– Ты куда явился, а? – прохрипел граф. – Ты имеешь понятие, что тут за город? У нас здесь – ууу! Сюда нельзя просто так приехать и делать что хочешь! – Он завертелся, пытаясь сбросить пальцы Валевского со своего горла, но маленький блондин держал его цепко и, похоже, вовсе не собирался выпускать. – У нас тут все организовано! Хочешь дело делать – придется платить... Ой, Леон, я сейчас задохнусь!

– Значит, я все-таки Леон, а не Збышек, – удовлетворенно констатировал его противник. – Наконец-то ты запомнил. А что касается работы, то не знаю, что тебе в голову взбрело. Я приехал немного отдохнуть, только и всего.

– Отдохнуть? – просипел гость, лишенный родословной. – Ты за кого меня держишь, Леон? Я тебе кто – совсем frajer,⁷

---

⁷ Простак (польск.).

что ли? Ты собрался у нас отдыхать с парюрой Агаты Дрейпер?

– Тьфу ты! – сказал Валевский с досадой. – Так и знал, что сплетня до вас дойдет!

– Ты о чем, а? – подозрительно осведомился граф.

– Не крал я никакую парюру, ясно? – уже сердито промолвил вор. – Не знаю, с чего на меня навесили это, но я драгоценности не брал! Когда произошло ограбление, я вообще был за тридевять земель, в Кракове.

– Рассказывай! – фыркнул граф. – Все знают, что кража парюры – твоих рук дело! Варшавско-Венская дорога – да ты же там начинал, ты ее знаешь как свои пять пальцев! И почерк твой! Шкатулка была заперта в три ларца, ключи от них находились у трех человек, возле шкатулки постоянно находилась горничная, посторонних людей поблизости никто не видел, а драгоценности пропали. Только тебе по силам провернуть такой фокус и уйти незамеченным!

– Ага, – не стал отпираться Валевский. – Мне – или хозяйке парюры.

– Чего? – Граф так изумился, что даже снова заговорил по-русски.

Валевский вздохнул.

– Великий князь Владимир – осел, – сухо сказал он. – И подарил он дамочке драгоценности, которые ему не принадлежали, ясно? Это фамильные вещи императорского дома.

Антонин открыл рот.

– То есть ты хочешь сказать...

– Ну да, скандал и все такое, – кивнул Валевский. – То есть скандал бы произошел, если бы она появилась в тех украшениях где-нибудь за границей. И, конечно, Агата Дрейпер прекрасно все поняла. А драгоценности она терять не хотела, вот и организовала их исчезновение. Если они были вдобавок застрахованы, дамочка сорвала двойной куш, – угрюмо добавил вор. – И что в результате? Меня все ищут за преступление, которого я не совершал, а танцовщица – чтоб ее! – наслаждается жизнью в переделанных украшениях. И как я могу доказать, что непричастен к ограблению? Да никак. Ты же поверил, что украл их я... Да и не только ты, я так думаю.

Антонин задумался. Дело принимало совсем иной оборот, чем он решил вначале. В самом деле, если бы у Валевского была парюра, разве стал бы он селиться в гостинице по поддельным документам, которые помогали ускользнуть от неповоротливых властей, но не уберегли бы его от товарищей по ремеслу, многие из которых знали его в лицо? Однако Антонин не первый год был знаком с Валевским и понимал, что доверять ему можно не больше, чем любому другому вору.

– Зачем ты приехал в наш город? – напрямик спросил граф.

– Сам подумай, – просто ответил Валевский. – Если бы тебе надо было меня найти, где бы ты стал меня искать?

– В Варшаве, – вняв совету и подумав, отозвался Антонин.

– В Варшаве, в Польше, – согласился Валевский, – может быть, даже за границей, в Париже, например. Но никому в голову не придет искать меня здесь, потому что я никак не связан с этим местом.

Он убрал руки с горла графа, однако же никуда не дел свою коленку, которая по-прежнему упиралась Антонину в ребра, стесняя дыхание.

– И все же кое-кому пришла в голову мысль искать тебя именно здесь, – со смешком промолвил Лукашевский.

Леон насторожился. Интонации голоса его собеседника безотчетно не понравились ему.

– Уверяю тебя, – заявил он, – такое невозможно. Я просто сел на первый попавшийся поезд, когда узнал, что меня ищут.

– Сесть-то ты сел, но кто-то, похоже, следил за тобой уже тогда, – ухмыльнулся Антонин. – Иначе с чего бы некоей баронессе Корф являться в наш город по твою душу?

И он с немалым удовольствием увидел, как Валевский, услышав названное имя, переменился в лице.

– Баронесса Корф? – мрачно спросил он. – Ты говоришь о баронессе Амалии Корф? Вот черт!

– А что, ты уже успел с ней познакомиться? – невинно поинтересовался граф, растирая шею.

– Я люблю женщин, – ответил Валевский, – и отношусь

к ним с уважением. Но сия особа – последняя, с которой я хотел бы встретиться.

С этими словами он поднялся на ноги, окончательно освободив своего противника, который незамедлительно тем воспользовался. Схватив трость, граф ударил ею Валевского по ногам. От неожиданности маленький блондин рухнул на пол, и Антонин сразу же набросился на него. Для начала граф использовал изящный прием, который в О. именовался «взять на кумпол». Прием заключался в том, чтобы как следует приложить лбом противника в лицо, и при удачном применении гарантировал как минимум сломанный нос. Затем граф ухватил Валевского за волосы и несколько раз стукнул его затылком о пол.

– Драгоценностей он не брал... – сипел граф, проверяя головой противника на прочность потемневший от времени паркет. – Думал, я поверю, ха! Не на таковского напали, милостивый государь!

Напоследок он пнул Валевского ногой ниже пояса и, убедившись, что Леон в ближайшие несколько минут точно не сможет продолжать схватку, поднялся.

– Ты чего? – простонал Валевский, видя, как граф подошел к большому коричневому чемодану, покоившемуся на стуле.

– Где парюра? – прямо спросил Антонин. Глаза его горели нехорошим, жестким огнем.

– Ну ищи, коли неймайся! – огрызнулся вор, выплевывая

кровавый сгусток. – Если найдешь, не забудь отдать мне мою долю. Болван!

Болван Лукашевский обыскал чемодан, а затем осмотрел и ощупал всю постель. Валевский, сидя на полу, тяжело дышал и глядел исподлобья, но с явной иронией, как человек, которому нечего терять.

– Может, ты ее уже кому-то отдал? – предположил граф. Он находился в затруднении, но не хотел признавать этого.

– Как я могу отдать то, чего у меня нет? – сердито спросил вор.

– Или передал кому-то на хранение, – добавил граф в порыве вдохновения.

– Я что, похож на дурака? – обиделся Валевский.

– Смотри, если Виссарион обнаружит, что ты его надул, твой труп выудят из гавани с камнем на шее, – задушевно пообещал граф. – Ой, смотри, Леон!

Однако даже угроза (которая заставила бы побледнеть любого человека, знакомого с местными порядками) не оказала на поляка никакого действия.

– Не пугай кота мышеловкой, – фыркнул Валевский. – Кстати, правду говорят, что вашему Виссариону скоро крышка?

Антонин вытаращил глаза.

– Что? Кто это тебе сказал?

Положим, никто не говорил Валевскому ничего подобного – он только что сам все выдумал, желая позлить собесед-

ника. Но получилось вполне правдоподобно, и, главное, цели своей вор достиг. Антонин даже не столько рассердился, сколько испугался. Уж кому-кому, а ему отлично было известно, что самые большие перемены в жизни начинаются именно с таких вроде бы ничем не подкрепленных слухов, которые передаются шепотом из уст в уста.

– Да люди трепяты, что его дни сочтены, – хладнокровно продолжил лгать Валевский, поводя плечом. – Смотри, как бы тебе не остаться у разбитого корыта, Антонин, с таким-то хозяином!

По лицу графа он догадался, что перегнул палку. Антонин надменно распрямился.

– Ты здесь новенький, – заговорил тот холодно, – и придется тебе сходить к хозяину на поклон, представиться, то да се... Заодно и о парюре ему расскажешь. А то ведь баронесса приедет, губернатор волноваться начнет, людей к нам слать. Одевайся!

– Ага, – кисло промолвил Валевский, утирая кровь из разбитого носа, – сейчас...

В следующее мгновение он быстрее молнии нырнул под комод и достал оттуда свой револьвер, который потерялся в самом начале их с Лукашевским схватки.

– Ты не станешь стрелять, – промолвил граф после паузы. – Слишком громко, все на этаже услышат.

Валевский вздернул подбородок и выпятил губу.

– Кроме того, ты же не мокрушник, Леон. Ты всегда го-

ворил, что в жизни никого не убивал и никогда не пойдешь на мокрое дело, – добавил Антонин. Но увидел в глазах собеседника нехорошие искорки и подался назад.

– Как говорил один великий человек, – задумчиво заметил вор, – «если наши принципы нам мешают, значит, пора их пересмотреть». Именно так.

– Наполеон? – несмело спросил граф.

Валевский кивнул и взвел курок. Чувствуя в коленях отвратительную слабость, граф Лукашевский спиной, спиной двинулся к выходу из номера. На устах его застыла мучительная улыбка.

– Тебе это просто так с рук не сойдет, – пригрозил он.

– Ну, мы еще посмотрим, – задорно ответил Валевский. – Пшел вон!

И граф Лукашевский, которого принимал в своем доме даже полицмейстер де Ланжере (из-за восьми дочерей, но тем не менее...), вышел вон, как последний холоп.

Впрочем, на прощание он все же хлопнул дверью. Однако не слишком громко, потому что, сами понимаете, револьверные пули частенько пробивают двери насквозь.

Оставшись один, Валевский убрал револьвер и поднялся. Затылок у него ныл, во рту стоял противный железистый привкус.

«А все-таки ловко я придумал про принципы, – помыслил он, трогая распухший нос. – Антонин сразу же в лице переменялся».

Однако больше всего, по правде говоря, его беспокоил вовсе не Антонин и не его хозяин. А та особа, которая была совершенно с ними не связана и которая, по словам графа, была послана в О., чтобы изловить Леона и, вероятно, изъять у него украденную парюру.

Валевский уже сталкивался с этой особой прежде, и мало того, что она самым беспардонным образом обвела его вокруг пальца, – из-за нее он угодил в тюрьму,⁸ и ему пришлось хорошенько потрудиться, чтобы выбраться оттуда. И вот теперь, словно нарочно, баронесса Корф вновь оказалась на его пути, и он не видел в данном обстоятельстве ничего хорошего.

Впрочем, как известно, при надлежащей сноровке и везении любые обстоятельства можно обернуть в свою пользу, а поклонник великого императора Леон Валевский точно не принадлежал к людям, которые легко сдаются. Для начала он решил разузнать, когда именно баронесса Корф появится в городе, и уже после принимать решение, что ему делать.

---

⁸ Об этом читайте в рассказе Валерии Вербиной «Сокровище короны».

Глава 3

*Тридцать три несчастья следователя
Половникова. – Общество любителей российской
словесности. – О том, какое влияние на ход
истории может иметь чашечка хорошего кофе.*

– И когда она приезжает, та баронесса? – сварливо спросила Пульхерия Петровна.

– Поездом в 9.45, – ответил ее супруг, следователь Половников.

Пульхерия Петровна насупилась, причем сдвинутые брови в верхней части ее лица удивительно гармонировали с полоской усов в нижней. Это была высокая, дородная, темноволосая женщина, которая среди соседей слыла образцовой хозяйкой и матерью, но дома была настоящим тираном. Вероятно, не зря про ее мужа-следователя говорили, что он не боится никого из преступников О. Если он перед кем и трепетал, то исключительно перед своей половиной, которая обладала самой неприятной женской чертой – способностью превращать жизнь мужчины в ад.

– Душенька, – робко продолжал Половников, – ты не дашь мне чистую сорочку? А то неудобно... меня с прочими чина-

ми отрядили встречать госпожу баронессу... а я... то есть...

Пульхерия Петровна зыркнула на супруга колючими глазами и взяла еще один кусочек сахара, поскольку чай любила пить вприкуску, а не внакладку.

– Обойдешься, – буркнула она, крепкими острыми зубами разгрызая сахар. – Больно много ей дела – твои сорочки разглядывать... Застегнись на все пуговицы, и хватит с тебя.

Половников хотел было сказать, что на улице жарко, что несвежая сорочка уронит его во мнении сослуживцев, что он не может... но по лицу жены понял, что может и что чистую он все равно сегодня не получит. Когда дело касалось мужа, Пульхерия Петровна была на редкость экономна, и Половников отлично знал, что самая драная одежда предусмотрительно хранится у нее в особом свертке в уголке платяного шкафа – на тот случай, если следователя все-таки пришлют при исполнении служебных обязанностей и она останется вдовой. Пульхерия Петровна и мысли не допускала о том, чтобы хоронить мужа в целой одежде.

А ведь он получал неплохие деньги, был у начальства на хорошем счету и, по совести, один из лучших следователей города. Но где-то, когда-то, в чем-то он обманул мечты этой до сих пор красивой, статной женщины, и она задалась целью мстить ему – всегда, везде, во всем, вплоть до самых ничтожных мелочей. И, выходя из дома и спеша к вокзалу, Половников по привычке спросил себя: «За что она со мной так?»

Да, он был невзрачен, тщедушен и мал ростом, но тысячи, если не миллионы мужчин тоже не могут похвастаться внешностью *jeune premier*'а⁹ и между тем наслаждаются семейным уютом и пользуются если не любовью, то уважением своих жен. Тогда он стал перебирать в уме собственные недостатки, которые могли бы отвратить от него супругу, и не нашел таковых. Он не пил, не курил, не изменял ей, не ссорился с ее родителями, любил детей и делал все, чтобы семья была счастлива. Положительно, Половникову не в чем было себя упрекнуть! Да, он много времени отдавал работе, но ведь не зря же ему недавно дали очередной орден, Анну,¹⁰ за двадцать лет беспорочной службы, и его начальник Сивокопытенко...

– Беспорочная служба! – взвизгнула тогда Пульхерия Петровна, узнав о награде. – Беспорочная служба, наверное!

Половников ускорил шаг. Вспомнив о безобразной сцене, которая разыгралась на глазах у детей, он понял, что впопыхах забыл надеть орден, собираясь на встречу с высокой особой. «Ну и черт с ним!» – рассердившись на себя, решил он.

– Антон Иваныч! Антон Иваныч, мое почтение!

Следователь вздрогнул. Навстречу ему по тротуару мчался встрепанный гражданин средних лет в пенсне, с безумными глазами и лицом таким, словно только что выиграл в ло-

---

⁹ «Первый любовник», здесь – молодой красавец (театральное амплуа в XIX веке).

¹⁰ То есть орден Анны.

терею семьдесят пять тысяч рублей. Впрочем, в лотерее Русалкину никогда не везло. Да и не могло повезти – такой уж он был человек.

– Ну что? – вскричал Русалкин, наконец до-бравшись до следователя и крепко стиснув его руку. – Дождались! Кончилось самоуправство и самодурство губернатора, в столице вспомнили и о нас! – Он говорил и тряс руку Половникова, который уже не знал, куда от него деться. – Я всю ночь не спал, написал-таки прошение! По всей форме! – Русалкин наконец оторвался от следователя, извлек из кармана какой-то сложенный листок, которым взмахнул торжествуяще, как флагом, и зловеще прошептал: – Вот, полюбуйте! И пусть не говорят, что у них нет помещения для нашего «Общества любителей российской словесности»! Ведь это же смешно, помилуйте! Для клуба, где вистуют целые дни напролет, есть! Для какого-нибудь притона мадам Малевич – тоже есть! А словесность должна страдать?

Аполлон Николаевич Русалкин слыл в городе чудачком, и не без оснований. В самом деле, человек, который самозабвенно читает книги и переписывается с журналами, не может быть нормальным. Так решили нормальные люди, почтенные граждане, которые целыми днями взвешивают муку и обсчитывают покупателей, или заведуют ссудными кассами, как небезызвестный ростовщик Груздь, всегда готовый купить краденые вещи, или помогают любовнице управлять веселыми домами, как черноусый красавец Жорж. Все это

были люди дельные, полезные обществу, а тут – нате вам! – какой-то бездельник, поклонник литературы, основавший в О. «Общество любителей российской словесности». Уже лет пять он тщетно добивался, чтобы его обществу было выделено от города помещение, и еще дольше боролся за то, чтобы на доме, где некогда останавливался поэт Пушкин, была вывешена мемориальная доска. Своими просьбами Русалкин до смерти надоел губернатору, вице-губернатору, полицмейстеру де Ланжере и всем начальственным лицам, которым было достаточно написать коротенькую записку, чтобы доска была установлена на доме и обществу выделили какой-нибудь угол. Но власти упирались, власти сопротивлялись так, словно от решения этих вопросов зависело их собственное существование.

Справедливости ради, впрочем, следует признать, что у них были кое-какие резоны для такого отношения.

– Голубчик, – стонал полицмейстер де Ланжере, – ну какая, к черту, мемориальная доска? Дом с тех времен уже раза три был перестроен, и даже если б только это... Ведь известно же, что светоч нашей поэзии провел в нем одну-единственную ночь и в письмах оставил весьма нелестную характеристику, что, мол, насекомых много, городишко преотвратный, а сам он «не выспался и не выс...ался».¹¹ Голубь! Да какая мемориальная доска после такого?

---

¹¹ Такая цитата действительно имеет место быть в письмах Александра Сергеевича.

Что же до «Общества любителей российской словесности», то, учитывая, что в многотысячном портовом городе О. общество сие насчитывало всего четырех человек – самого основателя, его сестру Наденьку, их кузена студента Евгения Жмыхова и старенького библиотекаря Росомахина, – де Ланжере имел полное право отказать им в предоставлении помещения, мотивируя тем, что все общество прекрасно может поместиться в гостиной русалкинского дома и нужды в дополнительной территории не имеет. Однако полицмейстер недооценил упорство Аполлона Николаевича. Русалкин принадлежал к людям, которых всякого рода препятствия только разжигают. Он заклеил де Ланжере как косного сатрапа и с удвоенной энергией принялся строчить повсюду письма, кляузы и прошения, жалуясь на то, как в О. не уважают изящную словесность.

– Вы идете на вокзал? – с надеждой спросил сейчас Русалкин следователя. – Встречаете приезжую даму?

Половников уже давно привык держать лицо и, как бы ему ни было скверно, никогда не выдавать, что у него на душе. Однако теперь он живо представил себе, как явится на вокзал в сопровождении Русалкина, нарисовал себе бучу, которую тот поднимет там, подумал, что именно придется выслушивать де Ланжере в присутствии высокой гостьи, и ему сделалось не по себе. Не то чтобы Половников был излишне подобострастен – ему лучше других были известны слабые стороны и недостатки полицмейстера, – но вместе с тем он

знал, что де Ланжере человек отнюдь не недалекий и не бесполезный чинуша, каким его выставлял Русалкин. В представлении следователя полицмейстер определенно не заслуживал скандала, который собирался устроить любитель словесности.

– Поезд будет только в пол-одиннадцатого, – солгал следователь. – Я хотел еще зайти к Теодориди, выпить у него чашечку кофе.

Грек Теодориди держал в городе маленький ресторанчик, известный каждому обывателю. Дело в том, что хотя Теодориди использовал для своих блюд абсолютно те же самые продукты, что и любой другой ресторатор, еда у него почему-то получалась гораздо вкуснее, чем у конкурентов. Его кофе даже дымился как-то по-особенному, не жестким облачком цвета жести, а грациозным лиловатым дымком, воспаряющим ввысь. Половников представил себе этот дымок, вспомнил райский аромат, исходящий от кофе, и на мгновение даже забыл о том, что его семейная жизнь не удалась, как и вся жизнь вообще. Ноздри следователя затрепетали, глаза подернулись мечтательной поволокой.

– Да, хорош кофе у негодного грека! – вздохнул Русалкин. Не говоря больше ни о баронессе Корф, ни об извилистых судьбах российской словесности, они быстрым шагом добрались до ресторанчика, в коем в тот час находился только один посетитель – невысокий вихрастый блондин с распухшим носом. Оттопырив губу, блондин с видом знатока

смаковал райский кофе. Возле его стула стоял большой коричневый чемодан.

– Два кофе, Фемистокл Аристидович, – попросил Половников.

Фемистокл Аристидович кивнул и испарился. Кофе явился через минуту и был так ароматен, так совершенен, что следователь понял: жизнь, несмотря ни на что, чертовски хороша, и даже Русалкин, если вдуматься, – очень, очень славный человек.

– Говорите, баронесса Корф прибывает в 10.30? – забеспокоился Русалкин после третьей чашки.

Блондин, который как раз расплатился и уже приподнялся со стула, собираясь уйти, застыл на месте, однако мужчины этого не заметили.

– Именно так, – подтвердил Половников.

– Ну, тогда нам не о чем волноваться! – жизнерадостно вскричал Русалкин и попросил принести еще по чашке, а в придачу – сладостей, которые (опять-таки по совершенно неизвестной причине) выходили у Теодориди лучше, чем у всех остальных рестораторов.

– Как поживает Надежда Николаевна? – спросил следователь, подобревшим взором шурясь на лиловатые завитки, ускользающие к потолку.

Русалкин ответил, что у его сестры все хорошо, разве что она чрезвычайно переживает из-за отсутствия мемориальной доски на доме, где останавливался когда-то великий по-

эт. К тому же Наденьку весьма удручает низкий уровень современной словесности. Что за авторы, боже мой, что они пишут, и как, прости господи, они пишут!

– Из современных, – пыхтел Русалкин, – только граф Толстой заслуживает внимания, хотя он порой грешит морализаторством в ущерб художественности и весьма неряшлив с точки зрения стиля. Что же касается остальных...

Блондин за соседним столом перестал слушать. Самое главное он все равно уже узнал – баронесса Корф приезжает в 10.30, стало быть, у него самого есть время, чтобы перед отъездом выпить еще одну чашечку восхитительного кофе, который готовил мрачный волосатый грек. Даже девушка по фамилии Фортуна, в которую Леон был когда-то влюблен, и та не готовила более вкусного кофе. Тут Валеvский вспомнил, что она умерла от воспаления легких в семнадцать лет, загрустил и попросил новую порцию чудесного напитка.

В десять часов Половников и Русалкин все-таки нашли в себе силы распрощаться с гостеприимным хозяином ресторации, который поклонился и, сверкнув зубами, пригласил их заходить вновь. Глядя на него со стороны, можно было подумать, будто мрачный Теодориди зазывает их к себе, чтобы зарезать или, во всяком случае, сотворить с ними нечто противозаконное.

Чувствуя себя так, словно они с детства были лучшими друзьями, следователь и поклонник словесности зашагали по направлению к вокзалу. Солнце слепило глаза, воздух от-

ливал золотом, и даже старые деревья вдоль дороги казались помолодевшими. Половников взглянул на часы. «Конечно, опоздали, и от Сивокопытенко мне влетит по первое число... – смутно помыслил он. – Но так все же лучше, чем склока на перроне и оскорбления начальственных лиц. Аполлон Николаевич – неплохой человек, но порою его все же заносит».

Мимо вприпрыжку пробежали несколько мальчишек. Городовой на перекрестке узнал следователя и отдал ему честь. В следующее мгновение со стороны вокзала грянул расхлябанный, нестройный марш.

– Что это? – с удивлением спросил Русалкин.

– Кажется, «Преображенский марш», – пробормотал Половников.

– Так что, неужели война?.. – начал любитель словесности и не закончил фразу.

Мелодия развалилась на части так же резко, как и началась. Еще несколько секунд ухала и надрывалась басом большая труба, но и она засвистела фальцетом и угасла.

Охваченный самыми скверными предчувствиями, следователь поспешил к вокзалу, куда уже стекались толпы любопытных. Русалкин последовал за ним.

Глава 4

Дирижер на лошади. – Начальственные лица. – Благоразумие пана Валевского. – Сюрприз, которого никто не ждал.

По перрону метался начальник вокзала в криво сидящей фуражке, а в глазах его метался ужас. Полицейские чины отжимали от перрона толпу, но она все перла и перла. Половникова, впрочем, сразу же узнали и пропустили беспрекословно, а вместе с ним сумел проскользнуть сквозь оцепление и его спутник.

Здание вокзала было украшено гирляндами цветов. Духовой оркестр настраивал инструменты, а перед ним, сидя на белой лошади, одергивал обшлага рукавов маэстро Бертуччи – потомок итальянца Бертуччи, что-то не поделившего с Наполеоном и сбежавшего от имперского величия в приморский город Российской империи. Маэстро Бертуччи всегда дирижировал, сидя на лошади, и за этот особенный шик, за безупречную элегантность его обожали дамы и завидовали ему мужчины. Вот и сейчас Половников посмотрел на потомка итальянцев с невольным восхищением.

Возле оркестра чертил зигзаги красный, растерянный и

раздраженный полицмейстер де Ланжере. Широкоплечий брюнет с пушистыми усами и клиновидной бородкой неуловимо походил на своего предка, короля Генриха IV, – как внешним обликом, так и характером. Он был неглуп, остер на язык, жил одновременно на два дома и при том ухитрялся еще содержать актрису. Сейчас полицмейстер был при полном параде, на боку его висела сабля, на груди скромно теснились ордена. Он оглянулся, увидел Половникова и сделал такое лицо, будто собрался заплакать.

– Что-нибудь случилось, Елисей Иванович? – с тревогой спросил у полицмейстера следователь.

– Поезд опаздывает! – простонал де Ланжере.

– И что? – Половников по-прежнему ничего не понимал.

– Как – что? – рассердился де Ланжере. – Баронесса Корф опаздывает! Что она будет думать о нас после этого?

В их беседу вмешался непосредственный начальник следователя, Сивокопытенко, – почти молодой, почти симпатичный, почти приличный человек, большой карьерист и к тому же поклонник карточной игры. Все чиновники знали, что он крутит амуры с женой Половникова, и втайне жалели следователя. Что же до самого Половникова, то он, похоже, ничего не замечал.

– А вы, однако, настоящий провидец, Антон Иванович! Знали, что поезд опоздает, и потому позволили себе прийти позже!

Половников ничего не ответил, но про себя подумал, как

хорошо было бы однажды обнаружить труп Сивокопытенко где-нибудь в канаве и засвидетельствовать факт убийства, совершенного с особой жестокостью. Впрочем, пока Сивокопытенко ладил с Хилькевичем и исправно брал с него мзду, нельзя было надеяться даже на то, чтобы начальник следователя поскользнулся и сломал себе руку, не говоря уже о чем-то более серьезном.

К счастью, разъехидственный намек Сивокопытенко прошел незамеченным, потому что ни полицмейстер, ни вице-губернатор Красовский не обратили на него внимания. Вице-губернатор был молодой человек с жидкими светлыми усами, тоненький, как тростинка, и вид имел такой, словно его в детстве чем-то смертельно напугали и он до сих пор не оправился от того испуга. Он не так давно занял это место и теперь безумно волновался, как бы не осрамиться перед столичной особой. Нервно сплетая и расплетая пальцы рук в белых перчатках, Красовский блуждал по перрону, подходя то к полицмейстеру, то к Бертуччи, у которого уже раз десять спросил, готовы ли его музыканты. Ни на кого более вице-губернатор внимания не обращал.

Внезапно в толпе обозначилось движение. К де Ланжере рысцой подбежал начальник станции.

– Едет, Елисей Иванович! Едет!

Вице-губернатор обернулся и увидел, как из-за поворота выползает курьерский¹² из Петербурга. С усилием воло-

---

¹² То есть поезд-экспресс.

ча громоздкое тело по рельсам, поезд поднатужился и издал хриплый рев.

– Ну, господи, благослови... – прошептал Красовский. – С богом!

Он стиснул пальцы в очередной раз и не заметил, что порвал одну перчатку. Половников на всякий случай проверил, застегнут ли он на все пуговицы, и приосанился. Следовательно ничуть не боялся приезда неведомой баронессы Корфф и ничего совершенно не ждал от него для себя, но его все же начало охватывать любопытство. Русалкин, который благоразумно держался сзади, приподнялся на цыпочки и вытянул шею. Де Ланжере крикнул и расправил усы.

Поезд потек вдоль перрона, издал звук «хшшшш!» и, поскольку деваться ему было некуда, остановился. Бертуччи взмахнул рукой, и «Преображенский марш» величаво поплыл над головами зевак, над встречающими, над вокзалом, утопающим в зелени. От литавр отскакивали солнечные зайчики и плясали по перрону.

Из вагона первого класса выскочила белая собачонка величиной с кошку, покрутилась вокруг себя, возмущенно залаяла на создающих кошмарный шум музыкантов и шарахнулась в сторону. Вслед за собачкой показалась дородная дама, которая громко журила свою Мими за то, что та убежала, и заодно сухо выговаривала горничной – высокой бледной девушке – за то, что та недоглядела за ее любимицей.

Однако, завидев духовой оркестр, дама порозовела и пе-

ременилась в лице. Она обернулась в глубь вагона, сказала: «Пьер! Пьер, посмотри, как тебя встречают! Ah, c'est charmant!»¹³ – и милостиво улыбнулась.

На ее зов показался сморщенный, согбенный, дряхлый старичок в генеральском мундире. Судя по возрасту старичка и покрою мундира, обладатель последнего воевал еще с Наполеоном, если вообще не с Чингисханом.

Красовский вполголоса спросил о чем-то кондуктора, и тот кивнул головой в глубь вагона. Дама вынула платочек, готовясь махнуть им толпе встречающих, но тут ее самым неучтивым образом прервал полицмейстер.

– Сударыня, проходите, проходите! – прошипел де Ланжере. – Не стойте здесь!

Дама переменялась в лице вторично, зато ее горничная, которая держала пойманную белую собачку в руках, отчего-то ожила и заулыбалась в сторону. Старенький генерал озадаченно замигал глазками, лишенными ресниц, и Половникову сделалось остро жаль его. Следователь отвел глаза.

Он отвел глаза, поэтому не сразу увидел то, что увидели все – и королевски импозантный де Ланжере, и нервничающий Красовский, и Сивокопытенко, и встрепанный диковатый Русалкин, и дородная дама, которая так жестоко ошиблась в своих надеждах, и генерал, и зеваки, и даже собачонка.

Из вагона показалась дама.

В светлом платье.

---

¹³ Как мило! (франц.).

В руке она держала белый зонтик от солнца.

Вот, в сущности, и все. Стоит, впрочем, упомянуть, что дама была молода, стройна и красива, причем все три этих качества присутствовали в превосходной степени. Иначе так и останется непонятным, почему Красовский при ее виде уронил перчатку (ту, которую не успел порвать), а де Ланжере ощутил, прямо скажем, некоторое сердцебиение.

– Да... – молвил со вздохом старенький генерал.

И не прибавил ничего.

– Баронесса Корф? – спросил вице-губернатор трепещущим голосом.

Дама кивнула, и в глазах ее бог весть отчего мелькнули смешинки. Сивокопытенко в порыве подхалимского усердия бросился подбирать начальническую перчатку. Не заметив этого, Красовский шагнул, наступил ему на пальцы каблуком и почтительно поцеловал тонкую ручку приезжей дамы.

Сивокопытенко взвыл – но взвыл совершенно безмолвно, отчего его никто не услышал. На глазах его выступили слезы, но подхалимская натура мешала даже намеком обнаружить свое неудовольствие, и он решил потерпеть, пока вице-губернатор сам не соблаговолит сойти с его руки.

– С кем имею честь? – поинтересовалась баронесса.

– Вице-губернатор Красовский, – заторопился молодой человек, – Андрей Игнатьич. А вот наш полицмейстер, господин де Ланжере.

– Елисей Иванович, – уточнил тот, одновременно кланя-

ясь, улыбаясь и подкручивая ус.

Однако гостя не обратила на его маневры никакого внимания.

– А где губернатор? – спросила она. – Я полагала, именно он будет меня встречать.

Красовский замялся. По правде говоря, желчный губернатор недавно поссорился с министром и теперь багровел при всяком упоминании столичных властей. Как его ни уговаривали, он категорически отказался встречать приезжающую из Петербурга баронессу. Более того, губернатор даже высказался против «Преображенского марша», заявив, что какая-то вертихвостка – не посол и не адмирал, чтобы приветствовать ее таким образом, а ее так называемая миссия – чепуха для легковерных. На самом же деле она будет искать компромат, чтобы подсидеть его, губернатора, но он ее не боится и готов отвечать за любые свои действия, равно как и слова.

Бертуччи, доиграв марш, собирался запустить его по второму кругу, но по лицам музыкантов, по тому, как ни с того ни с сего они перестали попадать в такт, решил не искушать судьбу и обернулся. И увидел очень хорошенькую молодую женщину в светлом платье, которая о чем-то говорила с Красовским и де Ланжере. Неподалеку бледный Сивокопытенко растирал кисть руки, не принимая участия в разговоре. Следователь Половников не сводил удивленного взгляда с приезжей дамы. Стоящий возле него Русалкин полез в карман и

извлек из него какой-то листок.

Из глубины вагона показалась горничная, повертела головой, заметила де Ланжере и заиграла ресницами. Судя по всему, представительный полицмейстер произвел на плутовку неизгладимое впечатление.

– Что тебе, Дашенька? – спросила баронесса.

– Амалия Константиновна, как быть с багажом?

Красовский обернулся к де Ланжере, де Ланжере обернулся к Сивокопытенко, Сивокопытенко обернулся к Половникову. Последний ограничился тем, что сделал знак начальнику вокзала.

– В ваших краях поезда всегда опаздывают? – спросила баронесса у полицмейстера.

Но де Ланжере был слишком опытен, чтобы его можно было пронять подобными вопросами.

– Поезда везде опаздывают, сударыня, – отвечал он, не моргнув и глазом.

– Я привыкла, что они опаздывают на четверть часа, в крайнем случае на полчаса, – промолвила Амалия Константиновна. – Но чтобы почти на час...

– Это, наверное, потому, что поезд курьерский, – заметила Дашенька. – Быстрее всех и опаздывает больше всех.

Следователь не смог удержаться от улыбки. Тут-то Русалкин и решил, что настало его время, и вскричал, бросаясь к баронессе Корф, словно шел грудью на вражеский редут:

– Сударыня! Не обидьте! Российская словесность страда-

ет... Великий поэт...

Он встряхнул в воздухе прошением, намереваясь продолжать, но тут натолкнулся на взгляд баронессы, как на пушку того самого редута. И взгляд разорвал его в клочья, стер в прах, а прах разметал по ветру.

– Кто пустил сюда этого сумасшедшего? – сквозь зубы, однако же так, что его услышали все, спросил Сивокопытенко.

– В чем дело? – с неудовольствием осведомилась баронесса.

Де Ланжере с видом мученика объяснил суть дела. Баронесса Корф вздохнула.

– В обществе состоят всего четыре человека! – сердито заметил Красовский. – А Пушкин провел в здании, о котором идет речь, только одну ночь. И отозвался о здешних местах весьма неуважительно!

– Довольно, – произнесла баронесса Корф, и какие-то новые интонации в ее голосе заставили Половникова внимательнее взглянуть на нее. – Аполлон Николаевич... Я правильно помню? Вот и замечательно. Так вот, Аполлон Николаевич, когда ваше замечательное общество будут посещать хотя бы десять человек – постоянно посещать, понимаете? – вы получите помещение. А что касается мемориальной доски... – Баронесса задумчиво прищурилась. – Мы согласны повесить ее на здание, где ночевал поэт, но с обязательным условием: чтобы на ней было выгравировано то, что Алек-

сандр Сергеевич написал об этом городе, слово в слово. Вы согласны?

Русалкин побагровел. Половников с трудом удержался от улыбки. Ай да баронесса Корф! А с виду такая очаровательная, такая легкомысленная, такая обыкновенная дама. Нет, не зря, не зря ее послали в благословенный город О.! И уж точно она очень умна, настолько, что может оказаться не по зубам им всем.

Включая искушенного де Ланжере.

Включая губернатора.

И даже включая самого Хилькевича, короля дна.

– А может быть... – начал Русалкин и угас.

– Слово в слово, – твердо повторила баронесса. – Выбирайте.

– А дамочка-то красotka, чистый мармелад, – заметил в оркестре музыкант, управлявшийся с литаврами.

– Выбирайте выражения, Саенко! – сурово велел Бертуچی.

Хоть его предок и вынужден был сделать ноги с родины из-за того, что пырнул ножом любовницу, которая предпочла ему наполеоновского солдата, маэстро не терпел, когда о женщинах отзывались неуважительно.

Если бы вместо того, чтобы пререкаться с музыкантом, маэстро поглядел влево, где волновалась сдерживаемая полицейскими толпа, он мог бы увидеть нечто любопытное. А именно, непременно бы заметил невысокого вихрастого

блондина с коричневым чемоданом, который завяз в этой толпе, как муха в сиропе. На лице блондина застыла неподдельная мука, нижняя губа страдальчески оттопырилась.

...Узнав от графа Антонина о скором прибытии баронессы Корф, Валевский раздумывал недолго. Слов нет, искушение побороться с баронессой было заманчивым, однако поляк еще помнил отвратительную вонь, которая царила в его последней тюрьме, и вовсе не горел желанием туда возвращаться. Взвесив все «за» и «против», он решил, что самым благоразумным в данных обстоятельствах будет сделать ноги, и тотчас же начал приводить свой план в исполнение.

Однако персональный ангел-хранитель Валевского, подсказав ему наилучший выход из сложившейся ситуации, очевидно, решил куда-то отлучиться. Ничем иным нельзя объяснить то обстоятельство, что Валевский, спеша к вокзалу, увидел на красном доме вывеску заведения с буквами, скверно стилизованными под греческие. Вывеска гласила, что здесь находится несравненная ресторация гражданина Ф. А. Теодориди.

В любое другое время Валевский прошел бы мимо, но тут из ресторации повеяло поистине божественным ароматом. В аромате этом смешались запахи кофе, свежих булочек, халвы, восточных сладостей и счастья.

«Ни за что туда не пойду, – сказал себе Валевский. – И потом, там наверняка грязь и тараканы. Фу!» Но через минуту уже сидел за столиком и потягивал восхитительный ды-

мящийся кофе. Душа его витала в эмпиреях и не вернулась оттуда даже тогда, когда растворилась дверь и в ресторацию ввалились двое: один – возбужденный господин, который все время яростно жестикулировал, и второй – семенящий коротышка в грязной сорочке, которую он тщетно пытался спрятать под наглухо застегнутым сюртуком. Оба посетителя имели вид классических неудачников.

А потом они заговорили, и Валевский узнал, что баронесса Корф будет еще не скоро, и, значит, он успеет уехать до ее прибытия. А раз так, можно выпить еще чашечку превосходного кофе, который готовил угрюмый хозяин.

Леон выпил чашечку кофе, потом еще одну и поспешил на вокзал, но там было столько полицейских и столько зевак, что душу Валевского сразу же наполнили самые нехорошие предчувствия. Он хотел вернуться, однако толпа закружила его, а когда маленький блондин стал выбираться из нее, то нос к носу столкнулся с городовым, который сердито спросил у него, куда он так торопится.

– Мне на поезд! – простонал Валевский, теряя голову.

– Пока дама не приедет, поезда велено не пущать, – строго ответил страж порядка. – Ждите, милостивый государь!

Валевский хотел проскользнуть мимо городского, но увидел в нескольких шагах пару жандармов, которые (так ему показалось) чрезвычайно внимательно смотрели на него. Он отвернулся и смешался с толпой, стараясь как можно меньше бросаться в глаза.

Наконец поезд прибыл, встречающие засуетились, и через пару минут можно было видеть, как начальник станции и его помощники тащат к выходу багаж приезжей дамы. Валевский отлично помнил, что Амалия знает его в лицо, и на всякий случай спрятался между какой-то толстой дамой, от которой удушливо пахло фиолет-де-пармом, и золотоволосым юнцом ротозейской внешности. От сильного запаха у Леона стали слезиться глаза, и он несколько раз чихнул.

Когда Валевский перестал чихать, он поднял голову – и увидел напротив себя, шагах в пятнадцати, не более, баронессу Корф. Улыбка слетела с ее губ, а карие глаза смотрели прямо на него. Спасительная толстуха, за которой он прятался, отошла в сторону, юнец тоже куда-то исчез, и теперь вор был ничем (вернее, никем) не прикрыт.

Валевский был, прямо скажем, не робкого десятка, но в то мгновение он словно физически ощутил, как глаза баронессы – красивые, надо признать, глаза с золотистыми крапинками – прожгли в нем две зияющих дыры. В голове его пронеслись обрывки каких-то глупейших мыслей – что вот так все всегда и происходит: ты строишь расчеты, обводишь вокруг пальца всех и вся и под конец попадаешься, да, попадаешься самым жалким образом. Почему он застрял в той греческой кофейне, которая бог весть отчего именуется рестораном? Почему не выждал, когда баронесса придет и отбудет с вокзала, чтобы спокойно с ней разминуться? Почему, наконец, попросту не удрал из города ночью, когда путь

был совершенно свободен? Черт побери!

Он с тоской предчувствовал: вот сейчас баронесса Корф, которая, как он уже убедился, умеет действовать на редкость стремительно, тихим голосом отдаст один-единственный приказ, и два десятка жандармов тотчас же раскидают толпу, выволокут из нее Валевского, пнут пару раз для острастки по ребрам и потащат в городской острог. И при мысли о том, что он сам, можно сказать, помог этой чертовой авантюристке одержать очередную победу, у него заныло под ложечкой.

Леон увидел неподалеку от Амалии седовласого господина с морщинистым лицом и про себя удивился, что мог забыть на вокзале известный вор Агафон Пятируков. Вокруг молодой женщины и ее горничной теперь теснились городские чиновники, торопясь засвидетельствовать свое почтение. Какой-то бледный господин, морщась, вертел кистью руки, другой – холеный господин в орденах – подкручивал усы. Валевский поглядел на него мельком и подумал, что этот тип ему кого-то напоминает, и даже вспомнил кого – пана Шледзя, который заправлял в их приюте и нещадно драл маленького Збышека за каждую совершенную оплошность, а еще чаще – просто так. Леон терпеть не мог вспоминать о своем детстве, в котором не было ровным счетом ничего хорошего, и сердито покосился на баронессу Корф, ожидая, когда же та отдаст роковой приказ.

Но баронесса Корф уже отвернулась и нежно улыбалась

тому самому Шледзю № 2 в орденах. Валевский перевел дух и мысленно вознес благодарность Антонину за то, что тот его отделал. Наверняка от побоев лицо у него так «поехало», что Амалия, хоть и стояла недалеко, не смогла его узнать.

Баронесса с горничной сели в экипаж Красовского и в сопровождении двух конных казаков покатали по проспекту. Оркестранты стали убирать свои инструменты. Зеваки принялись расходиться, обсуждая платье приезжей дамы, манеры приезжей дамы и то, как приезжая дама поставила на место Русалкина. Полицейские еще некоторое время поприисутствовали для порядка, а потом скрылись из глаз. Утирая пот со лба, Валевский подошел к окошечку, за которым сидел билетный кассир.

– Один до Киева, – попросил он. Подумал и добавил: – Первым классом, вагон для некурящих.

После чего полез в карман за кошельком.

– Ну, сударь? – сердито спросил кассир, глядя, как Валевский хлопает себя по карманам и беззвучно ругается. – Так будем брать билет или нет?

– Кажется, я забыл дома кошелек, – промолвил вор, выдавив из себя улыбку. – Но я еще вернусь!

И, стиснув ручку чемодана, он быстрым шагом двинулся прочь.

Примерно через полчаса после того, как баронесса Корф покинула вокзал, торжествующий Агафон Пятируков положил на стол перед Хилькевичем розовый дамский кошелек

в виде расшитого бисером мешочка.

– Вот, – сообщил вор, сияя улыбкой. – Это ее кошелек, как вы и просили. Васька тоже недурной улов хватанул – обчистил в толпе десяток фраеров. У парня явный талант, хорошо бы его на вокзале оставить. Доходное место, ежели с умом взяться, конечно. И платить он вам будет исправно, я обещаю.

Вася Херувим, стоя в стороне, застенчиво шмыгнул носом.

– Посмотрим, посмотрим... – нараспев проговорил Хилькевич. – А приезжей даме наука. Чтоб за вещичками своими приглядывала получше. А то приехала, вишь, краденые ценности искать, хе-хе! Ты за своими сначала уследи!

Король дна довольно рассмеялся.

– Только вот де Ланжере это не понравится, – рискнул заметить Пятируков.

– Не пойман – не вор, – отрезал Хилькевич. – Сколько у нее в кошельке?

Прежде всего король дна был деловым человеком.

– Не знаю, я еще не смотрел, – отозвался Пятируков. – Но кошелек-то тяжелый. Сейчас...

Он полез в розовый мешочек – и тут Вася не узнал своего дядю. Агафон Пятируков разинул рот, вытаращил глаза, да так и остался стоять.

– Что там? – почуяв неладное, спросил Хилькевич.

С несчастным видом Пятируков протянул ему кошелек,

и тут Хилькевич увидел, что тот набит вовсе не золотыми монетами и кредитными билетами, а мелкими гладкими камешками.

– Что? Но как... – просипел Пятируков и умолк.

Хилькевич осмотрел кошелек и заметил в отделении для банкнот аккуратно свернутую бумажку. Дернув щекой, король дна вытащил бумажку и развернул ее.

На листке аккуратным дамским почерком было написано: «Г-ну Виссариону Хилькевичу. В собственные руки.

Зная о ваших способностях и ценя вашу выдумку, я припасла для вас сей небольшой сюрприз. Надеюсь, он придется вам по душе.

Полагаю, нам будет нелишне встретиться и поговорить. К примеру, сегодня, в 3 часа дня, в гостинице «Европейская». Если вы меня опасаетесь, можете взять с собой своих людей в любом количестве.

Надеюсь, вы не заставите меня ждать.

Баронесса А. Корф».

Глава 5

*Ценные бумажки разного достоинства. –
Неудачный комплимент опытного
ловеласа. – Время встречи изменить нельзя.*

Горничная Дашенька закончила прихорашиваться перед зеркалом и вышла из номера. Она рассчитывала, что до трех часов – когда у Амалии Константиновны назначена какая-то важная встреча – у нее самой есть свободное время. Но не тут-то было – в коридоре девушку остановил лакей и вручил несколько конвертов с приглашениями. Дашенька надула губы.

– Ну и кто тут? – проворчала она, рассматривая конверты. – К губернатору нас уже звали, к вице-губернатору звали, жена полицмейстера тоже прислала приглашение. Так, надворный советник, генерал... еще один генерал... статский советник Лакомый... Вот повезло его жене, хорошо, наверное, быть госпожой Лакомой! – Горничная сложила конверты, состроив страдальческую гримасу. – И совершенно непонятно, когда у нас будет время ходить по всем этим обедам. Мы и для вице-губернатора еле время выкроили!

– Тяжелая у вас служба, – притворно вздохнул лакей, од-

ним глазом кося на светлые колечки Дашенькиных волос на шею, а другим – на ее соблазнительное декольте.

– И не говори! – поддержала девушка. – Сплошные разъезды, то туда, то сюда. Дома толком побыть некогда, чуть что – и сразу в дорогу.

Лакей хотел продолжить беседу, но тут увидел в конце коридора холеного господина с клиновидной бородкой. Господин мрачно покосился на него, и лакей, сразу же вспомнив о том, что его ждут совершенно неотложные дела, ретировался. Дашенька разочарованно поглядела ему вслед. Господин с бородкой меж тем уже материализовался возле нее.

– Послушай, любезная...

«Любезная» обернулась и, признав симпатичного полицмейстера, вся заискрилась улыбкой.

– А что за письма ты несешь? – строго спросил подошедший.

– Нехорошо любопытствовать, сударь! – откликнулась горничная и хихикнула.

Услышав глупое хихиканье, полицмейстер сразу же успокоился. Какой бы умной ни была хозяйка, горничная явно ей уступала.

– Я, между прочим, здешний полицмейстер, – важно изрек де Ланжере. – И мне все полагается знать по чину.

Говоря, он вложил в свободную руку горничной какую-то бумажку. Однако продолжение было вовсе не таким, на какое полицмейстер рассчитывал. Дашенька с любопытством

поглядела на бумажку, признала в ней трехрублевку и, ослепительно улыбнувшись, засунула ее обратно де Ланжере в карман.

– Не по чину берете, сударь, – сказала она загадочно. – И не по чину даете.

И ласково поглядела опешившему мужчине прямо в глаза.

– Да ты нахалка, однако! – объявил полицмейстер, машинально отмечая, что у нахалки очень красивые глаза, да и все остальное явно заслуживает самого пристального внимания с его стороны. – Может, мне еще радужную¹⁴ тебе дать?

– А хоть бы и так, сударь, – отвечала горничная, томно косясь на собеседника. – Потому как мне отлично известно, что вы хотите узнать.

– Да? – Полицмейстер дивился все больше и больше. – И что же я хочу знать?

– Не погонят ли вас вскорости в шею, – снова хихикнула горничная. – Цельный день за мной всякие господа ходят, деньги сулят и все выпрашивают, не будет ли им от визита моей госпожи какого урону. Смех, да и только!

Однако де Ланжере было вовсе не смешно.

– И что, погонят меня или нет? – довольно-таки сухо спросил он.

– Откуда мне знать? – пожала плечами плутовка. – Только ежели вы верите, что госпожа со мной делится, что да как,

---

¹⁴ Сто рублей. Заработок рабочего или гувернантки был, к примеру, двадцать рублей в месяц, следовательно – двести рублей.

вы не правы, сударь, не правы! Не таковская она человек, чтобы прислуге все разбалтывать!

Де Ланжере вздохнул.

– Послушай, милая... Я понимаю, что твоя госпожа многое держит в секрете, но если вдруг... если ты что услышишь... – он облизнул губы, – обо мне или... или о моем месте... – Полицмейстер полез в карман, достал бумажку покрупнее достоинством и со значением поводил ею в воздухе перед носом Дашеньки. Горничная следила за бумажкой, как замороженная. – У меня много врагов, – горько сказал полицмейстер, вкладывая купюру в руку Дашеньки. – И хотя я тружусь, не щадя живота своего, многим мое присутствие в этом городе не по нраву. Я знаю, что меня могут оговорить, опорочить... да-с... – Он заглянул в декольте Дашеньки и приосанился. – Но ты, мне кажется, умная девушка, и...

– Так обычно говорят девушкам, которые не могут больше ничем похвастаться, – с разочарованием заметила Дашенька, отчего полицмейстер поперхнулся. – Не волнуйтесь, сударь, если я что услышу про вас, непременно скажу.

И, стрельнув глазами, чем окончательно добила потомка французского короля, скользнула прочь.

Далеко, впрочем, Дашеньке уйти не удалось, потому что возле лестницы ее подждал черноусый брюнет с волосами, густо покрытыми фиксажуаром. Костюм на брюнете был просто идеальный, золотые часы поражали воображение тонкостью работы, но, несмотря на это, их обладатель отчего-то не

внушал совершенно никакого доверия.

– Красавица-душа, до чего хороша! – промурлыкал он, расплываясь в счастливой улыбке.

– Кому душа, а кому иди мимо, – весьма неприветливо отозвалась Дашенька.

– Мадемуазель, право слово, вы со мной чересчур суровы, – объявил сутенер Жорж. – Можно вас на пару слов?

– Нельзя, – последовал мгновенный ответ.

– Совсем никак? А если так? – В руке Жоржа, зажатая между средним и указательным пальцем, неведомо откуда возникла сложенная бумажка.

Дашенька вздохнула, покосилась вправо, покосилась влево и с видом человека, вынужденного покориться грубому принуждению, взяла бумажку.

– Ты горничная баронессы, принцесса? – спросил Жорж, пристально глядя на нее.

– А ты мне не тыкай, – отрезала Дашенька. Развернув бумажку, поглядела ее на свет и вздохнула: – Фальшивая. Впрочем, чего еще ожидать от такого, как ты!

И в следующее мгновение фальшивая купюра, с помощью которой подручный Хилькевича надеялся задобрить горничную и кое-что у нее выведать, полетела Жоржу в лицо. Сутенер остолбенел.

– Меня можно подкупить, я такой же человек, как и все. Но не фальшивыми же деньгами! – беззлобно промолвила Дашенька и строго поглядела на раздавленного Жоржа. – Пе-

редай... сам знаешь кому... чтобы не опаздывал на встречу. Иначе другой раз встреча случится в городском остроге на Райской улице, а твой хозяин будет уже закован в кандалы!

Жорж хотел протестовать, объяснить, что все получилось случайно – он понятия не имел, что бумажка, которую он получил от Хилькевича, поддельная... но Дашенька уже прошла мимо, зажав в руке пачку конвертов и гордо неся голову. К тому же откуда ни возьмись возник полицмейстер де Ланжере и злобно уставился на сутенера. Выругавшись вполголоса (без всякого соблюдения рифм), Жорж подобрал скомканную купюру с пола, оскалился и был таков.

Через несколько минут он уже пил вино в заведении мадам Малевич, расположенном аккуратно напротив гостиницы «Европейская». Галстук Жоржа валялся на столе, ворот рубашки был расстегнут, и одна из девиц, стоя сзади в одних чулках и корсете, массировала сутенеру плечи. Все девицы мадам Малевич обожали Жоржа, потому что он был не злой, не жадный и к тому же такой милашка, что просто ах.

– Он выставил меня дураком! – кричал Жорж. – Ассигнация была фальшивая!

– Успокойся, успокойся, мой котик, – гудела Розалия. – Где она?

Жорж кивнул на сюртук, лежащий на диване. Розалия достала злосчастную бумажку и тщательно осмотрела ее.

– Точно фальшивая, – вздохнула она. – Варшавская работа, сразу и не заметишь. А горняшка-то не промах!

– В чем дело? – С этими словами в комнату в сопровождении Пятирукова и графа вошел Хилькевич.

– Зачем вы дали мне фальшивую бумажку, чтобы подкупить горничную? – набросился на него Жорж.

У Хилькевича возникло скверное чувство: ситуация окончательно выходит из-под контроля, если даже Жорж позволяет себе кричать на него при свидетелях. Однако король дна сдержался.

– Мне неизвестно, в чем дело, – холодно сказал он. – Розалия?

Владычица веселых домов обрисовала ситуацию, не забыв упомянуть и о переданной Дашенькой угрозе организовать встречу в остроге, если Хилькевич не придет к баронессе. Король дна нахмурился.

– Это ведь ты дал мне ту ассигнацию, – сказал он, оборачиваясь к Пятирукову. – Откуда она?

Пятируков со смущением ответил, что бумажка была из чужого кошелька – одного из тех, которые стащил его племянник на вокзале, пользуясь теснотой и суматохой. (Никто из присутствующих так никогда и не узнал, что купюра явилась на самом деле из кошелька Валевского.)

– К горничной нам теперь не подобраться, – вздохнул Хилькевич.

– Ну почему? – отозвалась Розалия. – Можно еще Груздя к ней послать, к примеру.

– Груздь слишком старый, он ей не пара, – возразил

Жорж.

Он мельком улыбнулся девице в чулках и поцеловал ей руку, и та, истасканная, бесконечно несчастная, в сущности, провинциалочка, приехавшая в большой город за большим счастьем, заулыбалась так, словно ее поцеловал сам король. Розалия сверкнула на нее глазами, и девица поспешно вышла за дверь.

– А какое это имеет значение? – ответил Хилькевич. – Хоть...

Он задумался.

– Я все-таки считаю, что незачем идти на встречу, – проворчал Пятируков. – Мало ли что сказала какая-то служанка...

– В самом деле! – поддержал его граф.

– Если мы не придем, дама может решить, что мы ее боимся, – возразил Жорж.

– И что? – вскинулась Розалия.

– С тем, кто боится, можно сделать все, что угодно, – бросил сутенер.

«Смотри-ка, что ему известно!» – удивился про себя Хилькевич.

– А прийти, – упорствовал Пятируков, – будет все равно что признать свою вину!

– Вину в чем? – пожал плечами Хилькевич. – В том, что сперли мешочек с камушками? Так она сама его обронила на вокзале, к примеру. И что?

Розалия села в кресло и скрестила отечные ноги, обутые в дорогие туфли цвета бордо с золочеными пряжками. По старой памяти туфли были на больших каблуках, и хотя Розалии теперь было нелегко на них передвигаться, она упорно отказывалась сменить обувь на более удобную.

– А мне вот интересней то, что было до мешочка, – внешне заявила хозяйка.

– Говори ясней, – попросил Пятируков.

– Она нас просчитала, – жестко сказала Розалия. – Она знала, что мы будем делать и как. Она знает о Виссарионе – и, возможно, не только о нем. Но будь она хоть самой умной женщиной на свете, без сведений у нее бы ничего не вышло. Понимаете, о чем я?

Хилькевич кивнул.

– Кто-то нас заложил, – уронил король дна. – Причем до того, как баронесса приехала в город.

– Поэтому хорошо бы узнать, что именно ей известно, – закончила Розалия. – С этой точки зрения встреча с ней может оказаться весьма полезной.

Однако Пятируков не желал сдаваться.

– Ну и что, что ей о нас известно? – с вызовом спросил он. – Все равно она ничего не сможет поделывать. И потом, она ищет Валевского и украденную парюру – пусть ищет! Мы что, собираемся ей мешать?

Граф Лукашевский рассеянно потирал усы.

– Должен признаться, – неожиданно проговорил он, – мне

это не нравится. Жили мы, не тужили, и тут нате вам...

– Антонин, прошу вас, оставьте рифмы Жоржу, – с гримасой раздражения перебила его Розалия. – Лично мне совсем не понравилось, как уверенно горничная говорила насчет острога на Райской улице. Кстати, откуда им известно, что он именно на Райской улице, а?

Подавленные воры стихли и только переглядывались. Жорж застегнул ворот рубашки и стал завязывать галстук.

– Без десяти три, – напомнил он, показывая глазами на часы в углу. – Счастливые часов не наблюдают, а прочие без них пропадают. Ну так как? Идем или нет?

Без двух минут три Амалия вышла из своего номера и спустилась в Герцогский салон, расположенный на первом этаже «Европейской». Здесь было уютно, чинно и спокойно. Бюст герцога, стоявший на возвышении, взирал на немногих посетителей, которые почтили своим присутствием салон в этот час. Трое или четверо мужчин читали газеты, какая-то полная дама в туфлях цвета бордо пила кофе. Амалия задержалась на ней взглядом и подумала, что дама явно переборщила с косметикой.

Часы в углу пробили три раза. К Амалии подошел слуга, но, получив ответ, что ей ничего не надо, поклонился и отошел.

– Кажется, международное положение осложняется, – произнес мужчина за соседним столиком.

Он сложил газету, которая скрывала его лицо, и, уже не таясь, посмотрел на Амалию. Это был господин в седых бакенбардах, весь облик которого наводил на мысли о беспорочной службе, отличном послужном списке и многочисленных наградах.

– Виссарион Сергеевич? – спросила Амалия. – Вы вовремя, благодарю вас. Не хотите ли пересесть за мой стол?

Виссарион Сергеевич усмехнулся каким-то своим тайным мыслям, однако же приглашение принял.

– Мне сказали, вы хотели меня видеть, – проговорил он, избегая упоминать об инциденте на вокзале. – Итак?

Баронесса Корф вздохнула.

– Полагаю, мы не будем терять время и играть в прятки, попытаюсь ввести друг друга в заблуждение, – сказала она. – Вы знаете, кто я, и я знаю, кто вы. Думаю, вам должно быть известно и о том, что именно привело меня в ваш город.

– Лучше скажите вы, сударыня, – очень кротко попросил Хилькевич. – Я старый человек, могу и ошибиться.

Амалия улыбнулась.

– Некто Леон Валевский, российский подданный, – заговорила баронесса, – украл драгоценности, которые один... беспечный человек имел несчастье подарить знаменитой танцовщице. Драгоценности тому человеку не принадлежали и вообще являются семейной ценностью. Мне поручено вернуть их, причем вернуть любой ценой. А пан Валевский в настоящее время находится в вашем городе.

– Беспечный человек – великий князь Владимир? – невинно поинтересовался король дна.

– Допустим, его звали именно так, – после небольшой паузы ответила баронесса. – Вряд ли это что-то меняет.

– Гм, с какой стороны посмотреть, сударыня. Потому что, насколько мне известно, вы и великий князь одно время были весьма, весьма коротко знакомы,¹⁵ – отозвался Хилькевич лукаво. И улыбнулся, не скрывая своего торжества.

Однако, как оказалось, он сильно недооценил баронессу Корф. На его мелкий укол Амалия ответила ударом, который – если пользоваться боксерским языком – сразу же отправил собеседника в нокаут:

– Положим, мне тоже многое о вас известно. Например, то, что вы убили свою жену.

Улыбка застыла на губах Хилькевича.

– Ложь! – проговорил он, дернув щекой. – Моя жена умерла после болезни.

– Я по натуре невероятно доверчива, – легко согласилась баронесса. – И если вы мне сейчас скажете, что ваша жена умерла оттого, что ее затоптало стадо диких слонов, которое убежало из местного зоопарка, я тоже вам поверю. Только вот к нашему делу смерть женщины не имеет никакого отношения.

– К нашему делу? – насторожился Хилькевич.

---

¹⁵ Подробнее читайте в романе Валерии Вербиной «На службе его величества», издательство «Эксмо».

– Именно так, – подтвердила Амалия, и старый негодяй почти физически ощутил исходящую от нее угрозу, которая, как он только сейчас понял, вовсе не была шуткой. – Условия мои таковы. Вы заправляете данным городом, вернее, худшей его частью, и наверняка знаете, где находится Валевский, а также императорская парюра. Вы отдаете мне Валевского и драгоценности, которые он украл, и мы с вами будем в расчете. Можете и дальше строить из себя царька преступного мира, я не буду вам мешать. Более того, могу даже пообещать оградить вас от притеснений со стороны властей, если таковые будут иметь место. Как видите, в моих требованиях нет ничего невозможного, и думаю, вам будет легко выполнить мою просьбу.

Хилькевич поймал взгляд Жоржа, который высунул голову из-за газеты за два столика от них. Розалия хмурилась и покусывала губы. Граф Лукашевский, стоя у окна, делал вид, что любит вид на море, но по его напряженной спине Хилькевич видел, что Антонин не пропустил ни слова из разговора. Старый друг Пятируков так волновался, что даже не заметил – он держит свою газету вверх ногами. Однако сейчас, признаться, король дна жалел, что отправился на встречу со своими сообщниками. Ему не понравился тон баронессы, не понравилось, что она говорила с ним – нет, не как со слугой, а как с каким-то ничтожеством, которое только строит из себя значительное лицо. Никто и никогда в благословенном городе О. не смел обращаться с ним *так*. И

еще ему крайне не понравилось, что приезжая дама упомянула о его жене.

– Какая поразительная просьба, сударыня, – проговорил Хилькевич, не сводя с собеседницы пристального взгляда. – Право, вы преувеличиваете мои возможности. Почему бы вам не обратиться, к примеру, к господину де Ланжере? В конце концов, он наш полицмейстер и обязан знать, что творится в городе.

– Мне следует понимать ваши слова как отказ? – осведомилась баронесса. – Поверьте, сударь, если бы я могла обойтись одним де Ланжере, я бы уже так и поступила. Но что-то подсказывает мне, что вы можете принести куда больше пользы.

И Амалия очаровательно улыбнулась.

– Боюсь, вы плохо знаете меня, сударыня, – спокойно промолвил Хилькевич. – Я никому не оказываю одолжений, даже хорошеньким женщинам, которые приехали из столицы. Вы собирались оградить меня от притеснений со стороны властей, кажется? – Король дня пожал плечами. – Власти и так никогда меня не притесняли. Не знаю, кто является вашим осведомителем, но уж это он обязан был вам сообщить.

Баронесса вздохнула.

– Значит, вы все-таки отказываетесь, – констатировала она. – Таково ваше окончательное решение?

– Да, – твердо ответил Хилькевич.

– Что ж... – обронила Амалия после паузы. – Tant pis pour

vous, tant mieux pour moi.

Хилькевич ждал, что сейчас баронесса произнесет обязательную и, с его точки зрения, совершенно бессмысленную в таких случаях фразу о том, что он вскоре пожалеет о своем решении, но то, что та сказала, его обескуражило. Он не был силен в языках и теперь мучился, пытаясь определить, на что именно столичная гостья намекала. А о том, что ее слова содержали какой-то намек, Хилькевич догадался по блеску глаз дамы.

– Это все, о чем я хотела с вами говорить, – завершила встречу Амалия. – Вы свободны.

Все-таки она не удержалась от искушения обойтись с ним под конец как со слугой. И опять Хилькевич пожалел, что взял с собой своих людей, которые стали свидетелями его унижения.

Поднимаясь с места, он поглядел на лицо баронессы, и тут его словно ударило током – в нем не было и следа досады или раздражения, которые мог вызвать его отказ. Напротив, на нем было написано полное удовлетворение, словно дама услышала именно то, что ожидала и именно чего добивалась. А ведь дело, из-за которого она приехала в О., и впрямь было весьма, весьма важным, и помощь короля воров могла оказаться очень кстати.

«Черт возьми, – в смятении подумал Хилькевич, – уж не нарочно ли баронесса провоцировала меня на отказ? Но за чем ей это нужно?»

Не прощаясь, даже не поклонившись даме, он быстрым шагом вышел из Герцогского зала и направился в дом напротив. Через несколько минут к нему присоединились его соборники.

– Какая наглость! – восклицала Розалия, воздевая к потолку свои пухлые руки. – Явиться к нам и требовать, чтобы мы выдали одного из наших! Нет, какая наглость!

– Валевский не наш, – напомнил граф. – И никогда не был нашим.

– Все равно, он честный вор и хотя бы поэтому заслуживает уважения! – Розалия вся колыхалась от возмущения.

Пятируков блуждал по комнате, то и дело запуская пятерню в волосы. Видно было, что Агафон чем-то сильно смущен. Граф объявил, что не прочь чего-нибудь выпить. Жорж открыл новую бутылку, да так «ловко», что едва не уронил ее на почти новый ковер. (Заметим в скобках: положим, коверу на самом деле было лет десять, но с точки зрения каких-нибудь версальских ковров он все равно считался младенцем.)

– Что баронесса сказала в конце? – внезапно спросил Пятируков у Хилькевича. – Я не понял ее слов. Она говорила по-французски?

Жорж, который наливал себе вино, насмешливо хмыкнул и перевел:

– «Тем хуже для вас, тем лучше для меня».

– И что сие значит? – растерялся Пятируков.

Хилькевич имел все основания полагать, что лично для

него это не значит ничего хорошего, но тут вошла одна из девиц и сказала, что явился Сенька-шарманщик.

– Говорит, у него дело до Виссариона Сергеевича, – добавила девица.

Все шарманщики в городе, равно как и все нищие, были обязаны платить дань хозяину воров. Пятируков нахмурился.

– Сенька же за месяц задолжал, разве нет? Чего вдруг он таким смелым заделался? Раньше все от нас бегал, боялся, как бы ему руку не сломали.

– Не иначе, денежки завелись, – усмехнулся граф.

– Да какие там деньги! – фыркнула Розалия. – Он же пропивает все. Пропавший человек, совершенно пропавший.

– Ладно, – смилостивился Хилькевич, –пусти его. Посмотрим, что ему надо.

Девица вышла и вскоре впустила в комнату невзрачного мелкого субъекта, совершенно плешивого, несмотря на молодость, с серыми бегающими глазками и испитой физиономией. На субъекте был рваный пиджачок, заляпанный пятнами, и неопределенного цвета штаны, а на шее висела шарманка. В руках субъект держал пакет, перевязанный бечевкой.

– Виссарион Сергеич! – пробулькал субъект, радостно ослабившись. – Мы того, с оброком пришли!

Шарманщик полез в карман, едва не выронив пакет, и достал новехонький блестящий рубль.

– Ты никак разбогател, Сеня, – сказал Хилькевич с нехорошей улыбкой.

– Да вы что! – вскричал субъект, всплеснул руками и едва не уронил пакет вторично.

Тут уж граф не выдержал:

– Что у тебя в пакете?

Сенька потупился:

– Не знаю... Ей-богу! Попросили вам передать.

Хилькевич выпрямился в кресле. Розалия приоткрыла рот.

– Кто попросил передать? – каким-то новым, придушенным голосом задал вопрос теперь Хилькевич.

– А черт его знает! – отвечал удивленный шарманщик. – Девушка какая-то... Подошла, говорит: окажи услугу... вот тебе рубль, я знаю, ты задолжал... иди отдай хозяину, он сейчас у Розалии... и пакет ему передай. Я хотел того, в портрную... – Молчание, царившее в комнате, начало пугать Сеньку, он съежился и стал отступать к дверям. – Пришел туда, а ее закрыли... по случаю приезда высокой особы... то есть... Ну и я того, к вам...

– Давай пакет, – велел Хилькевич. Глаза его горели нехорошим стальным блеском.

Сенька съежился еще больше, но пакет отдал. Размоталась бечевка, развернулась упаковочная бумага...

– Фу! – с отвращением воскликнул граф. И даже отступил на шаг назад.

Жорж посмотрел на содержимое пакета и скривился. Пятируков позеленел.

– Что за гадость? – взвизгнула Розалия. – Виссарион, что все это значит?

– Хотел бы я знать, – угрюмо ответил король дна.

В пакете, предназначенном ему, лежаладохлая ворона.

Глава 6

Злопамятность пана Валевского. – Его отношение к словесности вообще и к российской в частности. – О том, как иногда может помочь несуществующая невеста.

Пока в веселом доме Розалии Малевич происходили описанные выше невеселые и, прямо скажем, довольно-таки зловещие события, некий блондин, невысокий, складный и ладный, присел на чашу фонтана, расположенного на городской площади, поставил рядом с собой чемодан, утер платком лоб и задумался.

...Когда французский герцог впервые оказался в здешних краях, он оглядел унылые домишки, козу, привязанную к изгороди, лужу посреди дороги, вздохнул и сказал своим спутникам, тоже французам, которые, подобно ему, были вынуждены эмигрировать из-за творящейся на родине революционной чепухи:

– Да, господа, это не Версаль!

После чего повелел считать это место площадью и нарек ее Парижской.

Прошло время, и площадь приобрела почти цивилизован-

ный вид. Она украсилась фонтаном в одном конце, статуей императора Николая в другом и неплохо устроенной мостовой между ними. Кроме того, герцог приказал посадить на площади сирень и акации, которые с тех пор буйно разрослись и давали живительную тень, если солнце светило слишком ярко.

Итак, Леон Валевский присел на чашу фонтана, который все равно бездействовал, поглядел на воробьев, с беззаботным чириканьем прыгавших по мостовой, и задумался, что же ему делать дальше. Выход напрашивался сам собой: стащить кошелек у какого-нибудь неосторожного гражданина, сесть на поезд и уехать как можно дальше от баронессы Корф.

В сущности, такие действия не таили в себе ничего невозможного. Однако при мысли, что ему придется ради спасения жизни и свободы обчищать чужие карманы, Валевского разобрала злость. Он был виртуозом отмычки, мастерски управлялся с динамитом, и не было такого сейфа, перед которым Леон спасовал бы. Но столь вульгарное занятие, как лазание по чужим карманам, вызывало у него, мастера своего дела, примерно то же чувство, которое ощущает, допустим, искушенный писатель, вынужденный сочинять рекламные тексты для заведомо дрянного товара, или оперный певец, которому предлагают исполнять застольные песенки.

Кроме того, Валевского не оставляло неприятное ощущение, что на вокзале его обчистили не просто так, а специаль-

но, и теперь молва о произошедшем разнесется по всей Российской империи. Скоро его враги, а также друзья (в воровской среде разница между этими двумя понятиями не столь существенна) будут надирать животы, узнав, каким дураком его выставили. В самом деле, что может быть смешнее обкраденного вора?

Валевский был самолюбив, а помимо всего прочего, еще и крайне злопамятен. И он дал себе слово когда-нибудь, если ему представится случай, непременно поквитаться с Виссарионом и его шайкой.

Успокоив себя на сей счет, Леон поднялся и подхватил чемодан. Навстречу ему по площади ковылял сухонький старичок в пенсне, тащивший под мышкой связку книг. Валевский налетел на него, извинился, пожелал старичку приятного пути и проследовал дальше.

Вскоре он был уже на городском вокзале. Исследовав кошелек, который неизвестно как перекочевал в его карман из кармана старичка, убедился, что в нем очень мало денег, но, пожалуй, хватит на билет 2-го класса до Киева, и собрался подойти к окошку кассы. Но тут в глаза ему бросились двое жандармов, которые, аккуратно подхватив под локти, уводили куда-то молодого светловолосого человека невысокого роста. Вокруг жандармов бегала раскрасневшаяся дама в желтой шляпке и норовила стукнуть их по ногам зонтиком.

– Отпустите его! – кричала женщина на весь вокзал. – Он ничего не сделал! Негодяи!

– Простите, сударыня, – отвечал тот жандарм, что помоложе, уворачиваясь от разящего зонтика, – но нам велено задерживать всех пассажиров, по приметам похожих на известного вора Валевского. А ваш спутник чрезвычайно на него похож!

Услышав последние слова, Леон нырнул за колонну и вышел из-за нее только тогда, когда жандармы скрылись из виду. Он еще раздумывал, что ему предпринять, когда услышал за спиной выразительный кашель.

– Прошу вас, сударь, пройдемте со мной, – тихо попросил третий жандарм, которого Валевский не заметил.

– А в чем дело? – пробормотал Леон, чувствуя, как стены вокруг него сжимаются до размеров тюремной камеры, а на окнах сами собой вырастают решетки. – Я... я только что приехал! – вдохновенно солгал он.

Жандарм взглянул на его документы (в которых стояли чужое имя и фамилия) и объяснил, что им велено задерживать всех невысоких блондинов, которые пытаются покинуть город. Когда таких блондинов наберется достаточно, подъедет столичная дама, которая знает в лицо нужного ей человека, чтобы опознать его. Валевский похолодел.

– Впрочем, – милостиво сказал жандарм, возвращая документы, – раз вы приехали, а не уезжаете, сударь, вам нечего опасаться.

Валевский выдавил из себя улыбку, подхватил чемодан, негнушейся рукой принял документы и настолько быстро,

насколько позволяли приличия, покинул вокзал. Почти бегом он пересек дорогу и двинулся обратно к Парижской площади.

Таким образом, то, что он опустился до уровня обыкновенного карманника, не спасло. Он попал в ловушку, потому что, с одной стороны, его подстерегали баронесса Корф и люди, которых столичная дама отрядила на поиски вора Валевского, а с другой стороны, были Хилькевич и его компания, от которых Леон тоже не ждал для себя ничего хорошего.

«Что же мне делать?» – спросил он себя.

Замечу, то был не извечный вопрос русской интеллигенции «Что делать?», обращенный непонятно к кому, а вполне конкретный вопрос, что может предпринять для своего спасения именно он, Леон Валевский.

Можно, конечно, попытаться покинуть город иначе, чем по железной дороге, но – нужны деньги. Кроме того, Валевский знал, что порт контролируют люди Хилькевича, а он не горел желанием попадаться им на глаза. Еще можно залечь на дно, на что тоже требуются деньги. И можно, наконец, ничего не делать и ждать, когда судьба сама пошлет ему шанс.

И судьба вняла его призыву.

Шанс явился в образе молодой особы с мечтательными глазами и с рыжеватыми кудряшками, которые выбивались из-под отчаянно модной шляпки. (Мадам Саркисян, которая делала такие шляпки по несколько штук в день, уверяла,

что это «настоящий Париж», и, возможно, так оно и впрямь было, потому что весь настоящий Париж производился в маленьком подвальчике на той самой Парижской площади.) Помимо шляпки, на особе было голубое платье и остроносые туфельки, пытающиеся притвориться, что они голубые, хотя на самом деле цвет их был лиловым.

Особа прошла мимо Леона, кинув на него рассеянный взгляд. И молодой человек, который тоже умел бросать взгляды, но притом никогда не бывал рассеянным, отметил, что у особы круглые плечи и что она вообще довольно мила, хотя на ее вздернутом носике уместились несколько веснушек. Но тут же Валевский заметил у незнакомки на локтях очаровательные ямочки и мигом позабыл про веснушки.

Леон влюблялся довольно редко, приблизительно один-два раза в месяц, однако если влюблялся, то его было не остановить. Мгновенно приняв решение, он пошел следом за взволновавшей его незнакомкой.

Шагов через сорок девушка поравнялась с тем самым стариком, у которого Валевский похитил кошелек, и просияла улыбкой:

– Здравствуйте, Аркадий Ильич! Вы будете вечером на заседании общества? Сегодня мы будем разбирать стихи Нередины. Брат обещал подготовить интересный доклад!

Старичок собирался было ответить, но тут к ним быстрым шагом подошел Валевский.

– Надо же, какая встреча! А я вас искал, сударь! Вы же

обронили возле фонтана свой кошелек!

Леон говорил, и улыбался, и кланялся, и протягивал старику его собственность. Аркадий Ильич смущенно замигал.

– Действительно... – пробормотал он, ощупывая карман. – А я и не заметил, как его потерял... Вы очень любезны, сударь!

– Очень мило с вашей стороны, сударь, – сказала девушка серьезно, оборачиваясь к Валевскому. – Аркадий Ильич – наш библиотекарь, и жалованье у него совсем мизерное. Я даже не знаю, как вас благодарить!

И вдруг Валевский ощутил очень странную вещь – словно проснулась его совесть, которая спала сладким сном много-много лет. Совесть зевнула, обернулась ежиком и мягко кольнула куда-то возле сердца. Ему сделалось стыдно, что он украл кошелек у старика, и еще было стыдно, что разыграл из его возвращения целое представление. Леон смутился, забормотал что-то, даже сделал движение, чтобы уйти... Но девушка истолковала его смущение самым выгодным для него образом.

– По правде говоря, у нас не тот город, где возвращают пропавшие вещи, – сказала она. – Вы ведь нездешний, не правда ли?

Валевский смиренно сознался, что да, и, словно спохватившись, представился:

– Леонард Дроздовский. А вы...

– Надежда Николаевна Русалкина, – весело сказала де-

вушка. – А с Аркадием Ильичом Росомахиным вы уже некоторым образом познакомились.

– Вы надолго к нам? – спросил библиотекарь. Вблизи было видно, что он тощ, как пергамент, и что глаза у него младенчески голубые, добрые и бесхитростные. Тут разбушевавшаяся совесть дала Валевскому такого пинка под ребра, что молодой человек даже малость побледнел.

– Право, не знаю, – сознался Леон, – я приехал к моей невесте, то есть думал, что она моя невеста, а она, оказывается, нашла себе другого. Я немного повздорил с ним, ну и...

Его версия складно объясняла синяки на физиономии и к тому же должна была расположить к нему слушателей, что, собственно, и произошло. Для пущего усиления эффекта Леон потупился и стал рассматривать носки своих штиблет. Наденька вздохнула, а старичок-библиотекарь задумчиво кивнул.

– А как вы относитесь к российской словесности? – осведомился он.

Валевский решил было, что ослышался – настолько неожиданным получился вопрос. Наденька засмеялась, встряхнула головой и объяснила:

– Мой брат Аполлон основал «Общество любителей российской словесности». И уже несколько лет добивается, чтобы нам дали помещение. Вот сегодня приезжая дама, как же ее...

– Баронесса Корф, – подсказал библиотекарь.

– Да, так вот баронесса пообещала, что нам дадут помещение, если в обществе будут состоять хотя бы десять человек. Но нас всего четверо: я, брат, кузен Женечка и Аркадий Ильич. – Наденька вздохнула и с надеждой покосилась на Валевского.

По правде говоря, Леон терпеть не мог словесность – хоть польскую, хоть российскую, хоть французскую. Любой текст, написанный буквами, вызывал в его душе непреодолимое отвращение. Подобным отношением он был обязан все тому же пану Шледзю, который заставлял воспитанников учить наизусть длиннейшие стихи и немилосердно лупил детей, когда те делали ошибки. Кроме того, его покорило, что даже словесность не могла обойтись без баронессы Корф. Однако он посмотрел на Наденьку, на младенческие глаза библиотекаря – и решился, объявил:

– Если вы не против, я хотел бы вступить в ваше общество.

Наденька просияла, библиотекарь умилился и вынужден был даже снять пенсне, чтобы протереть его от набежавших слез.

– Замечательно! – воскликнула Наденька. – Где вы остановились? Как раз сегодня мы будем обсуждать поэта Нередины...

Валевский ответил, что он пока нигде не остановился, и еще раз поплакался на жестокость придуманной невесты. Тут вмешался библиотекарь и сказал, что может предоста-

вить ему комнату на чердаке в своем доме. На время, а там видно будет.

– На самом деле любителей словесности так мало, сударь, – добавил старичок. – И я буду счастлив хоть чем-то вам помочь.

Новоиспеченный поклонник литературы немного поотнекивался для виду, но потом дал себя уломать. По правде говоря, он начал относиться к словесности немного терпимее, раз та позволила ему столь легко получить крышу над головой и приют в тех кругах, где его никто никогда не стал бы искать. И Валевский дал себе слово при первой же возможности почитать что-нибудь. К примеру, Мопассана или Мицкевича.

Стоящий на постаменте император Николай задумчиво сощурился, глядя на человека с коричневым чемоданом, уходящего в сопровождении девушки и дряхлого старика. Возможно, император еще не забыл, как у него под носом Валевский давеча обчистил карманы того самого старика, и бронзового властелина разбирала досада, что он не может сойти с постамента и накостылять по шее мерзавцу.

– Вот ведь прохвост, – желчно молвил император голубю, который сидел на его плече.

Голубь встрепенулся, льстиво курлыкнул: «Прохвост, сир!» – и стал искать у себя под крылом паразитов.

– Что за общество! – вздохнул император.

Но тут на площади показалось новое лицо, причем весьма

хорошенькое. Лицо, равно как и все остальные части тела, принадлежало очаровательной вертушке-горничной, и внимание императора тотчас же переключилось на нее.

Глава 7

О том, как следователь Половников пал жертвой полицмейстерской мысли. – Герой и барышня. – Грандиозный план короля воров.

Горничная Дашенька совсем забегалась.

Сначала хозяйка послала ее купить дюжину платков, потом какие-то ленты, потом шелковые кружева рококо. Рококо оказались не того оттенка, и наконец выяснилось, что нужны вовсе не рококо, а сутажет, и в придачу к ним еще кое-какие мелочи, общим числом восемь, список которых госпожа соблаговолила собственной рукой написать на бумажке. Дашенька присела, намекнула, что лавки могут находиться в разных концах города, и получила разрешение в случае необходимости взять извозчика.

На лестнице девушке пришлось отразить натиск репортера Стремглавова, который во что бы то ни стало хотел знать, верно ли, что всю городскую верхушку стараниями баронессы Корф скоро турнут. Стремглавов собирался похлопотать, чтобы к верхушке приплюсовали и его редактора, на чье место он давно метил, но Дашенька разочаровала репортера сообщением, что городская верхушка для госпожи баронес-

сы мелковата, и вообще, ей самой давно пора по делам. Она упорхнула, а Стремглавов застыл на месте в раздумьях, возвращаться ли ему в редакцию или пойти в портерную и перехватить какой-нибудь выпивон. Душа звала его в портерную, но долг требовал присутствия в редакции.

Спас раздираемого сомнениями репортера от окончательного раздвоения личности следователь Половников, который осведомился, не знает ли Стремглавов, где горничная приезжей баронессы. Репортер ответил, что горничная только что ушла, и проводил следователя укоризненным взглядом, в коем ясно читалось: «И этот хочет подсидеть своего начальника!» И так как мучившая его дилемма никак не разрешалась, Стремглавов избрал компромиссный вариант, решив пойти выпить к куму, который писал в газете хроники о потерянных пальто и раздавленных на улицах личахами собаках.

Что же до следователя Половникова, он вновь пустился на поиски Дашеньки. Не то чтобы горничная баронессы была нужна следователю – по правде говоря, скорее наоборот. Просто полицеймейстеру де Ланжере пришла в голову занятая мысль, и жертвой этой мысли стал именно Половников.

По мысли полицеймейстера, раз баронесса Корф прибыла в их город с деликатной миссией, нелишним будет проследить, чтобы с самой баронессой, не ровен час, ничего не случилось. В сущности, де Ланжере имел кое-какие основания опасаться за сохранность особы госпожи Корф. Если, допу-

стим, Валеvский поделился добычей с королем воров и тот взял его под свое покровительство, можно ожидать любых неприятностей. И полицмейстер героически решил, что не оставит госпожу баронессу и станет следовать за ней, что бы ни произошло. Заодно, разумеется, он окажется в курсе всего, что столичная особа намерена предпринять – как против него лично, так и против любого другого лица, находящегося в городе.

А так как Амалия Константиновна прибыла в их город не одна, стоит на всякий случай приставить кого-нибудь и к горничной. Ибо де Ланжере давно находился на своем посту и знал, что похищения людей за Хилькевичем водились, хотя никто никогда пока не смог доказать его причастность.

Де Ланжере решил на всякий случай посоветоваться с Сивокопытенко. Последний горячо одобрил план начальника и предложил прикрепить к Дашеньке Половникова. А что? Следователь – человек опытный, благоразумный. Рядом с ним горничной нечего опасаться.

Полицмейстер дал согласие, и Сивокопытенко, вызвав Половникова к себе, довел до него волю начальства. Признаться, когда следователь уразумел, чего от него хотят, у него заныло под ложечкой. Его, почтенного человека, награжденного орденами, приставляют к какой-то легкомысленной девице лишь на том основании, что она горничная баронессы Корф! Да будь он даже без орденов, все равно, это немыслимо, унижительно, нелепо!

Он мог высказать свое возмущение, мог взбунтоваться, хлопнуть дверью.

Но не стал.

Антон Иванович принадлежал к тому многочисленному типу людей, которым фея-крестная при рождении дала много ума и добросовестности. Увы, та же фея недодала им воли и особенно – наглости, без которой, как всем известно, в современном мире ничего не добьешься. Именно поэтому он жил со злощей Пульхерией, которая не скрывала своего пренебрежения к мужу; именно поэтому нахрапистый Сивокопытенко, а не Половников, ходил в начальниках, и именно поэтому коллеги, хоть и уважали следователя, в глубине души позволяли себе чуточку его презирать.

Однако, как уже говорилось выше, Половников отличался крайней добросовестностью. Раз согласившись на поручение, он готов был сделать все необходимое, чтобы выполнить его.

И он отправился разыскивать егозу Дашеньку, с мучительной неприязнью вспоминая прощальные слова начальника.

Дело в том, что Сивокопытенко намекнул, что на месте следователя он не стал бы церемониться, а ежели бы ему представился случай, немедля бы закрутил с мармеладной Дашенькой романчик. И, произнеся эти слова, начальник прегадко ухмыльнулся.

Ухмылка вышла настолько гадкой, что Половников с от-

вращением вспоминал ее аж в третьей лавке, куда судьба занесла его в поисках Дашеньки. Он вспоминал ту ухмылку и на площади, по которой горничная, если верить городовым, пробежала несколько минут назад, но где, разумеется, горемычный следователь ее не застал.

Половников снял шляпу и вытер платком лоб. Напротив него возвышался мрачный бронзовый памятник царю Николаю. Завидев следователя, тот, казалось, насупился еще пуще.

«Интересно, – подумал следователь, – куда она могла деться?»

Поглядел на памятник, словно только от него мог получить ответ на интересующий его вопрос. Возможно, было совсем жарко, однако следователю вдруг почудилось, что памятник ему подмигнул.

– Она – это кто? – спросил царь скрипучим голосом.

Половников попятился, беззвучно вскрикнул:

– Простите, сир?

– Если ты о горничной, – все тем же неприятным голосом продолжал бронзовый властелин, – то она проследовала во-он туда. – И кивком головы указал направление. – По моему, – продолжал памятник задумчиво, – она собиралась взять извозчика.

Царь строго поглядел на Половникова, который все пятился, таращась на говорящий монумент.

– И зачем горничная тебе понадобилась? – горько промол-

вил тот. – На себя бы в зеркало посмотрел, прежде чем за горничными бегать!

Чувствуя непередаваемый ужас, Половников поспешно ретировался. Возле фонтана он все-таки пересилил себя и оглянулся. Памятник Николаю скучающе смотрел перед собой, чем, собственно, и занимался все предыдущие восемнадцать лет. На его плече сидели уже два голубя.

«Все-таки сегодня слишком жаркий день», – в смятении помыслил следователь и ускорил шаг. По чистому совпадению он двигался теперь именно в том направлении, которое указал ему памятник.

Половников прошел по Шотландской улице, которая не вполне логично примыкала к Парижской площади, но все-таки примыкала, и уже издали завидел на перекрестке толпу. Тут – надо сказать, весьма некстати – оживилось шестое чувство Половникова, именуемое интуицией. И интуиция дала ему понять, что толпа имеет определенное отношение к нему самому.

«Не может быть!» – сказал себе следователь, похолодев, однако же ускорил шаг.

Подойдя к перекрестку, он заметил причину всеобщего волнения, которая заключалась в опрокинутой пролетке. Кучер, стоя рядом, чесал в затылке и уверял присутствующих, что лошади у него всегда были смиренные, и вообще, он знать не знает, что им сегодня в голову взбрело.

Как выяснилось позже, возле Парижской площади в про-

летку села барышня с ворохом покупок. Она велела кучеру ехать в гостиницу «Европейская», однако же лошади ни с того ни с сего понесли. Спас положение некий молодой человек, который героически бросился на лошадей и повис на упряжи. То ли благодаря ему, то ли благодаря тому, что пролетка налетела на столб, экипаж наконец остановился. Лошади целы, кучер тоже, что же касается пассажирки, то ее как раз сейчас извлекал наружу тот самый героический юноша.

– С вами все в порядке? – дрожащим от волнения голосом спросил он.

Дашенька подняла голову. Перед ней стоял – нет, возвышался! – золотоволосый, кудрявый, громадного роста молодец, хорошенький, как картинка. Кстати сказать, глаза у него были васильковые.

Прежде чем Дашенька успела что-либо сказать, обладатель васильковых глаз с непостижимой ловкостью выдернул ее из пролетки и поставил на ноги. Горничная покачнулась, однако же сумела устоять, держась за локоть своего спасителя.

– Вы живы? – задал новый вопрос спаситель, возвышаясь над ней.

Горничная посмотрела на него, и в глазах ее зажглись золотые звезды.

– Какой хорошенький! – мечтательно пропела она. – Ну чисто Иван-царевич!

Иван-царевич порозовел и потупился. А Дашенька рас-

шалилась настолько, что, нимало не обинюясь, ущипнула его за бок.

Вася Херувим, который, надо сказать, совершенно не привык к такому обращению, вытаращил глаза. Но тут в прозрачном южном воздухе сгустилась угроза и приняла облик маленького семящего человека с глазами больной собаки.

– Что тут произошло, мадемуазель? – тихо промолвил человек.

Дашенька ответила, что она села в пролетку, лошади понесли, и что больше ничего не помнит.

– Вы ведь Дарья Кузнецова, горничная госпожи баронессы? – добрым голосом осведомился человек.

Дашенька кивнула, не сводя с него глаз.

– Сударь, – забеспокоился Вася, – простите, а вы кто такой?

– Следователь Половников, – ответил человек и пронзил его печальным взором, как саблей. – Приставлен высшим начальством к госпоже Кузнецовой в качестве сопровождающего лица. Меня вот какой вопрос интересует, – сахарным голосом продолжал он, обращаясь к кучеру. – Если лошади были смирные, как могло случиться, что они вдруг ни с того ни с сего понесли, и именно тогда, когда в пролетке сидела данная особа?

Кучер с ужасом воззрился на него, почесал бороду, открыл рот, но так и не придумал ничего вразумительного, по

каковой причине поспешил рот закрыть.

Как уже наверняка догадался благосклонный читатель, крушение пролетки произошло вовсе не просто так. Хилькевича крайне встревожили загадочные слова баронессы, а еще больше его встревожила неведомо кем отправленная дохлая ворона, которую он получил в качестве подарка. Король дна был почти уверен, что присланный дар вовсе не в духе баронессы, но ему хотелось все же знать наверняка. Поэтому он разработал целый план, как беспронигрышно втереться в доверие к горничной, которая наверняка осведомлена обо всех делах хозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.